

На правах рукописи

РЕКОШ Карина Хаджиевна

**ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК КАК ВЕРБАЛИЗАТОР
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВОВОГО ЗНАНИЯ
(ОТ ИСТОКОВ ДО ДИСКУРСА ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА)**

Специальность: 10.02.05 – Романские языки

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва– 2018

Работа выполнена на кафедре французского языка
Федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Московский государственный институт международных
отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской
Федерации»

Научный консультант:

член-корреспондент РАН, доктор филологических наук (10.02.01), профессор
Воробьев Владимир Васильевич, заведующий кафедрой русского языка
Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы
народов»

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук (10.02.20), профессор **Овчинникова Галина
Витальевна**, заведующая кафедрой лингвистики и гуманитарных дисциплин ЧОО
ВО– Ассоциация «Тульский университет (ТИЭИ)»

доктор филологических наук (10.02.05), доцент **Рыжова Людмила Павловна**,
профессор кафедры романской филологии Института иностранных языков
Московского городского педагогического университета

доктор филологических наук (10.02.05), доцент **Туницкая Елена Леонидовна**,
заведующая кафедрой романских языков ФГБОУ ВО «Всероссийская академия
внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации»

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «**Московский педагогический государственный университет**»

Защита состоится «07» сентября 2018 в 10 часов на заседании
диссертационного совета Д.212.203.12 при РУДН по адресу: 117198, г.Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д.6, зал № 1

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном
библиотечном центре (Научной библиотеке) РУДН по адресу 117198, г.Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д.6.

Объявление о защите и автореферат диссертации размещены на сайтах:
www.rudn.ru, <http://vak.ed.gov.ru/>

Автореферат разослан 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д.212.203.12
кандидат филологических наук, доцент

Н.Ю.Нелюбова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Проблема языка специальности (юридического французского языка) неизбежно обращает исследователя к междисциплинарности и учету вербализуемого знания – рассмотрению языка-вербализатора не только «в самом себе и для себя», но и «вне себя». В данной работе поставленная тема звучит довольно категорично, ибо вербализация знания требует углубленного его изучения и представления.

В современной науке о языке функция вербализации выдвигает на первый план проблемы взаимодействия юридического французского языка и правовых знаний в корреляции с лингвистическими знаниями. В отличие от понятия «западная традиция права», истоки которой юристы [Берман, 1998] относят к римскому праву (304 г. до н.э.), в заглавие введено более широкое понятие «западноевропейское правовое знание», чтобы показать, что оно так или иначе манифестировано в языке и культуре и восходит к более раннему периоду и к Древней Греции.

Актуальность темы данного диссертационного исследования обусловлена различием знаний разного вида: эпilingвистических (бессознательного владения языком), лингвистических, металингвистических, юридических, энциклопедических, связанных с французским языком профессии. Четко очерченные границы наук в традиционном понимании делают их несовместимыми. Однако признание языка вербализатором отдела знания и рассмотрение его в функции репрезентации нивелируют разрыв между ними. Этому способствуют среди прочих наук бурно развивающаяся в последние десятилетия когнитивная лингвистика, которая включает познавательные параметры для изучения и объяснения языковых явлений, а также эпистемология¹. Эволюция правового знания, история идей, этимология института и соответственно правового дискурса прослеживаются на изменении парадигм под влиянием не только социальных факторов развития институтов общества, но и искусств словесности, науки, доктрины и юридической техники, которые определяют состав знания и дискурса и влияют на языки-вербализаторы.

С практической точки зрения **актуальность** исследования подтверждается возрастающим спросом на язык специальности в эпоху глобализации и расширения межкультурных связей. В лингвистике общая концепция языка создавалась на основе художественной литературы или обыденной картины мира без учета отделов знания, места, времени. Между тем язык художественной литературы характеризуется «рассеянностью» концептов [Фуко, 1996,77], в его картине мира собраны «рассеянные» (по вертикали и горизонтали) фрагменты дискурсов, а отдел знания упорядочивает дискурс в своих институтах, в своей сфере, что, по крайней мере, дает дополнительные ассоциации,

---

¹ Рекош К. Х. Эпистемологический подход в лингвистических и юридических исследованиях // Научный вестник ВГАСУ. 2015. Вып. 3 (31).

экстралингвистические (и внутрилингвистические) характеристики и постоянные контексты.

Обучение правведению заключается в научении правоведов «творцов систем» владеть (классифицировать и упорядочивать) системами правовых концептов, относящихся к соответствующим институтам, поэтому именно дихотомия: упорядоченность/рассеянность языка показывает причины того, что юридический язык не может изучаться и преподаваться так же, как язык художественной литературы, а также появления юрилингвистики и профессии юриста-лингвиста в Европейском союзе.

Актуальность и новизна избранной темы обеспечиваются взглядом на французский язык с позиции вербализуемого отдела знания (и его требований) – права, весь путь развития которого представляет собой смену парадигм: от отдельных фактов обычного дискурса до общей теории, заимствований, юридического рассуждения и юридической техники (и языка вместе с ними как вербализатора). На наш взгляд, юридический язык сыграл значимую роль в развитии словесности, книжности, философии языка и недооценивается лингвистами в их исследованиях, при этом рукотворная «упорядоченность», невербализованность, искусственное конструирование и взаимодействие правовых дискурсов, а также юридическое толкование вообще остались без их внимания. Данное исследование выполнено в русле современных тенденций междисциплинарности, лингвокультурологии и юрилингвистики. Как позднее образование, право восприняло, в свою очередь, многие приемы искусств словесности, риторики, логики и даже языка и является весьма иллюстративным и поучительным в смысле работы с/над текстом и дискурсом (юридическая техника, классификации, систематизации, терминологизация, различение оппозиций, рода/вида, общего/частного и т.д.)

Выделение языка в качестве самостоятельного объекта исследования теоретически оторвало его от вербализуемого знания. Между тем язык вырастает вместе с ним, неотделим от него (этим он отличается от любой другой семиотической системы). Французский язык выступает вербализатором западноевропейского правового знания, которое начало формироваться задолго до его появления (VIII–V–III вв. до н.э.). Таким образом, имеется несоответствие между временем возникновения французского языка и изучаемого института, что позволяет отделить правовое знание от языка и изучить его истоки в качестве предпосылок. Современный вид право начало приобретать в эпоху Средневековья, сменив парадигму (преторского права) и превратившись в особенную конструкцию, концептуальную систему, когда французский язык уже сформировался.

Право вобрало в себя механизмы словесности, элементы дискурса и методологию предшествующих эпох. Оно, с одной стороны, повторяет дискурсивные механизмы, с другой, разрабатывает собственные, что видно на примере параллелизма между риторикой и правом периода «греческого чуда» (Приложение А), а также современным судебным процессом Франции.

Объектом исследования является французский язык писаного

континентального права Франции и Европейского союза, как первичного дискурса (нормативно-правовые акты, источники права), так и метадискурса (доктрина, наука, судебная практика). Чтобы выявить принципы правового дискурса, изучается стилистически нейтральный дискурс, создающий научную картину мира, в функции вербализации без коммуникативной нагрузки (хотя, строго говоря, письменный текст выполняет отложенную коммуникацию).

В качестве **предмета** исследования в работе рассматривались особенности французского языка как вербализатора конкретного знания – континентального права во взаимодействии этих двух общественных установлений (институтов), чтобы выявить специфические признаки языка на основе его изоморфизма и конгруэнтности. По аналогии с юридической техникой эти особенности мы называем «лингвистической техникой» и различаем в них принципы, инструменты (языковые элементы) и приведение их в действие (подобно механизмам правового регулирования и юридическому рассуждению).

Выдвинутая **научная гипотеза** заключается в следующем: то, что язык обслуживает разные отделы знания и находится под их влиянием, заставляет признать специфику языка специальности, зависимость от вербализуемых знаний, поэтому целесообразно посмотреть на язык с позиции того, чего требует это вербализуемое знание, это даст углубленный подход к языку.

Для создания адекватной картины явление должно изучаться, начиная от его истоков (в эпоху античности дискурс права, основанного на природе вещей, не отличался от общелитературного языка) и в целостности, поэтому в исследование введено новое для лингвистики понятие «этимология института».

При сравнении двух общественных установлений (языка и права) и разном времени их возникновения (право зародилось на 1000 лет раньше французского языка) естественно поставить проблему «генетической перспективы» [Степанов, 2004], преемственности (не только формальной, но и через концепты, институты, картины мира), трансляции знаний и влияния истоков правового знания на французский язык. На наш взгляд, именно в «этимологии института» заложены предпосылки, которые можно экстраполировать на юридический французский язык (этот период игнорируется при описании письменных источников французского юридического языка [Доза, 2006; Катагощина, 2006; Кожемякина, 1983; Лыкова, 2005 и др.]). Диахрония культурологической перспективы (этимология институтов) дает дополнительные сведения и помогает ответить на многие вопросы, недоступные для этимологии, иными словами, если время жизни вербализуемого общественного установления превышает время языка, то естественно ожидать переход «энергии», трансляции знаний. Отметим, что римское право развивалось в обстановке развитого латинского языка, а французский язык в Галлии – на фоне племенного права и рецепции римского права. В лингвистике данные явления изучаются в терминах языковых контактов и заимствований, «этимология института» и взаимодействие общественных установлений значительно расширяют поле исследования.

Что касается **степени разработанности темы исследования**, то в указанной ипостаси в качестве вербализатора западноевропейского правового

знания, начиная от истоков этого знания до современности, юридический французский язык еще не рассматривался, поэтому французский язык может быть представлен как общественное установление в сопоставлении с другим общественным установлением, а данная тема – глобально как «язык и право». Под эту общую тему можно подвести многие труды по разным периодам и направлениям наук: права, истории, философии, методологии, лингводидактики (Институции и Дигесты Юстиниана, работы Боголепова Н. П., Гадамера Х.-Г., Гегеля Г. В. Ф., Исаева И. А., Кофанова Л. Л., Мальцева Г. В., Покровского И. А., Темнова Е. И., Энтина Л. М., исследования французских авторов: Bergel J.-L., Sandevair P., F., Pansier J. и др.). Считается, что юридические труды посвящены в основном описанию понятий и терминов. Это вполне объяснимо, ибо терминология является неотъемлемой частью юридической техники. Ценные сведения о языке права мы находим в эмпирических изданиях по юридической технике и легистике (Картухин В. Ю., Кашанина Т. В., Керимов Д. А., Лызлов Д. Н., Хазова О. А., Шугрина Е. С. и др.). Указанные работы свидетельствуют о накоплении эпилингвистических знаний языков без специальной установки на изучение и разработку металингвистического знания. Аккумуляции прагматического знания права и эпилингвистического знания французского языка способствуют лексикографические работы над словарями (Мачковского Г.И.; Cornu G.; и др.). Среди них отметим словарь Э. Бенвениста «Словарь индоевропейских социальных терминов» (1995), в котором представлена «этимология» социальных институтов вместе с культурным компонентом. Кроме прагматического и эпилингвистического видов знаний, междисциплинарный подход предполагает учет металингвистического знания.

Тема «язык и право» послужила основой развития юридической лингвистики на французском языке, создаваемой не только лингвистами, но и юристами (G. Cornu). Юрилингвистика развивается особенно в странах, где существуют проблемы мультилингвизма и мультиюридизма (Бельгия, Канада, Швейцария и др.), а также в Европейском союзе¹. По юрилингвистике имеется обширная литература, она развивается и в России², где используется термин «юрислингвистика». Термин «юрилингвистика» близок французскому варианту³. Основопологающей работой является «Юридическая лингвистика» Ж. Корню [Cornu, Linguistique juridique, 2000]. Описывая основные элементы слов и дискурсов (вплоть до жестов), Ж. Корню представляет французский юридический язык в рамках *langage du droit* (язык права) и *droit du langage* (право языка). По аналогии с правом он относит все постоянные элементы языка к общему фонду языка права (*fonds commun du langage du droit*) (С. 10) и вслед за Ф. де Соссюром (1977) предлагает единицу: «лингвистический факт» (*fait linguistique*) (которую можно сравнить с юридическим фактом – *fait juridique*).

¹ См. Приложение Г и ст. Рекош. К. Х. Мультилингвизм как принцип Суда Европейского союза // Вестник МГИМО. 2014. № 6 (39).

² Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999. с. 11–58.

³ Подробно о юрилингвистике: Рекош К. Х. Язык и право – единый объект юрилингвистики // Вся Европа. 2010. № 7-8 (46) (Электронный ресурс). URL: <http://alleuropalux.org/?p=2525>.

Юридическая лингвистика определяется по отношению к науке права как «вспомогательная наука права» (*science auxiliaire du droit*), ее главное отличие от права в том, что она не является «предписывающей»: «*elle n'est pas prescriptive*» [Cornu, 2000, 40].

Французские юристы рассматривают юридические проблемы в сочетании с языком: вопросы истории эволюции юридического текста, концепции гипертекста в праве; сравнительного права, терминоведения, языка и власти в международном праве, языка и юридической квалификации, а также когнитивного подхода к праву и соответственно к тексту, гипертексту и юридической информации, но целью их исследований является право. Для лингвистики большой интерес представляют монографии, анализирующие языковые проблемы разных правовых порядков Common Law 'Общего права' и Droit Civil 'Гражданского права' [Didier, 1990], логику текста и правовое государство [Moor, 2003], составление судебных решений [Mimin, 1959], лингвистику текста в суде [Tousignant, 1990], а также язык Common Law [Wagner, 2000] и др. В этих работах описываются некоторые особенности французского языка в связи с конкретными отраслями права, однако в них нет общего подхода к упорядоченному французскому языку с точки зрения его методологии и принципов вербализации института права.

В лингвистических работах основное внимание уделяется терминологии, риторике и стилистике правового дискурса с учетом его разных регистров и периодов развития (Балли Ш., Виноградов В. В., Кожемякина В. А., Сергиевский М. В., Catherine R. и др.). В последние десятилетия языкам специальности посвящаются многочисленные диссертационные исследования (Быкова С. Е., Володина М. Н., Губаева Т. В., Зяблова О. А., Иконникова В. А., Константинова М. В., Куракина С. Н., Лыкова Н. Н., Прокофьев Г. С., Ретинская Т.И., Силанова М. А., Табанакова В. Д., Храмченко Д. С., Широбокова Л. П., Шпаковская Е. Е.). Все эти работы объединяет общий взгляд на правовой дискурс с лингвистических позиций и несущественный учет особенностей права как общественного установления в целом, ибо изучение преимущественно терминологии правового дискурса означает изучение отдельных (почти разрозненных) фактов без учета парадигм, методологии, системности, топики, ассоциативных связей и юридической техники.

При описании языка права (терминологии) лингвистические теории используются также юристами: теория функциональных стилей [Мартышко, 2015; Шепелев, 2002], коммуникативная функция правового дискурса на русском языке [Губаева, 2003], а также логико-языковые феномены в юриспруденции [Черданцев, 2012].

В противовес коммуникации в обыденной картине мира, которая в точности не нуждается, в правовом дискурсе точность занимает особое место и зависит от иерархии, системы и пирамиды права. Расхождения между англосаксонским правом и французским являются иллюстрацией глубоких различий в правовых системах, в культурах Англии и Франции. Англосаксонское право отличается от континентального всей пирамидой знания: от терминов (как

наиболее мелких единиц, несущих информацию) до отраслей, институтов, систем и подсистем. Они имеют разные парадигмы, что проявляется не только в правовом регулировании, но и в когнитивно-дискурсивных парадигмах [Кубрякова, 1992; Кун, 1962].

Рождение континентального права ознаменовалось его превращением в закрытую систему и возникновением у него особой парадигмы по сравнению с общелитературным языком. Его парадигма, отличающаяся от когнитивно-дискурсивной парадигмы языка, формировалась по мере его превращения в конструкцию, чему способствовали позитивизм, доктрина и наука (теории государства и права; политические и правовые учения, философия права, методология права, предшествующая история). Благодаря вербализации, они влияют на дискурс и язык.

Особенность права проявляется, таким образом, не только и не столько в его терминологии, сколько в своеобразии систем и соответственно – парадигм этих систем, выступающих актуализаторами. Это особенно заметно в тех случаях, когда одна и та же вокабула используется в разных отраслях права, и хорошо показывает перевод: *actions* – *акции, иски, мероприятия*; *nullité* – *ничтожность, недействительность*; *prescriptions* – *предписания, исковая давность*; *exceptions* – *исключения, возражения*). Даже если в правовом дискурсе используется та же вокабула, что и в общелитературном языке, принадлежность закрытой системе права создает в ней особые смыслы, что затрудняет их рассмотрение в свете многозначности, полисемии, синонимии и т.д. На том же принципе основано и то, что сходные понятия: *категории, концепты, нормы, источники* – юристами и лингвистами интерпретируются по-разному. Данное положение предопределяет особый подход к рассмотрению вербализующей функции французского языка, не учитываемой лингвистикой. В рамках заявленной темы мы остаемся на уровне конкретной лингвистической техники французского языка и не ставим вопроса о том, что эта ситуация имеет философские, онтологические, когнитивные корни и относится к теории языка.

В работе поставлена **цель** разработать теоретико-методологические основы вербализации западноевропейского правового знания с помощью французского языка континентального права Франции, показать французский язык с позиции требований отдела знания (права), которые не видны в лингвистических исследованиях, а также объяснить рациональность функционирования языка в конкретном отделе знания.

Конкретно цель работы заключается в описании развития французского языка вместе с институтом, сравнении права и языка как регулятора и вербализатора, чтобы вывести принципы функционирования французского языка как вербализатора правового знания и проследить соотношение между языком и отделом знания, а также изучить построение дискурсивного пространства права. Указанные проблемы еще не рассматривались в существующих исследованиях.

По аналогии с юридической техникой ставится цель вывести основы «лингвистической техники», принципы использования языковых средств,

применяемых преимущественно в этой области знания. Осуществление этой задачи облегчит предсказуемость, языкотворчество и профессиональное понимание, эксплицируя элементы грамматики отношений между языком и правом. По сравнению с общей функцией репрезентации языка мы изучаем лишь один случай отношений французского языка с отделом знания. Для создания теории языка необходимо изучить язык в его отношениях со всем набором знаний в отдельной культуре.

В связи со своей институциональностью и формализованностью, а также рукотворностью правовой конструкции и позитивизмом современное континентальное право обладает большой иллюстративностью, что облегчает его сравнение с языком. В случае с другим отделом знания основные принципы вербализации или порождения дискурсов, по-видимому, будут сходными (превалирование одних приемов за счет других), но не будет присущего праву формализма и связанных с ним последствий.

Для целей дидактики необходимо вывести обобщающие правила и принципы юридического французского языка (лингвистическую технику) для программ обучения профессиональному пониманию на французском языке как иностранном с учётом правовых подходов, критериев, конструкций и классификаций юридической техники и более конкретно описать и объяснить правила и принципы чтения и профессионального понимания правового дискурса.

Достижение намеченной цели предполагает решение следующих **задач** теоретического и прикладного характера:

1. Проследить истоки идеи регулирования в европейской цивилизации в период отсутствия правовой парадигмы с целью установления предпосылок и универсалий, отразившихся позднее в правовом дискурсе.

2. Показать этимологию института права (западноевропейские культурные корни права как предпосылки французского правового дискурса) и эволюцию правовых понятий.

3. Определить вклад Древней Греции, искусств словесности, философии и этики в развитие западноевропейского правового знания в отличие от вклада Рима в развитие юридической техники, определивших когнитивно-дискурсивную парадигму права античности, иначе говоря, объяснить, почему в развитии западной традиции права юристы отдадут пальму первенства Риму, а не Греции.

4. Описать смену парадигм в период Средневековья (от права, основанного на природе вещей и обычном дискурсе, к праву как конструкции, основанному на идее справедливости) вплоть до появления основополагающего правового понятия нормативности и парадигмы позитивности.

5. Создать модель институционального взаимодействия правовых дискурсов и порождения дискурсивного пространства права и показать отличие языка от права (на основе данной модели) как общественного установления, так как у языка нет денотата.

6. Описать методы юридического толкования как средства сознательного рукотворного конструирования правового дискурса.

7. Вывести принципы сравнения общественных установлений на основе сравнения методологического ядра права (топики и юридической техники) с языком – «лингвистической техникой» французского юридического языка и обобщить эти принципы как соотношение: отдел знания/язык.

8. Показать особенности «лингвистической техники» французского языка на материале права Франции (в качестве отправной точки) и сравнения с правом ЕС (как отдельного рукотворно созданного правопорядка).

9. На основе принципов взаимозависимости и развития институтов и их этимологии объяснить вклад Древней Греции и Рима в развитие правовой культуры, а также причины упадка риторики.

Развитие методологии. Для решения поставленных задач были использованы методы сравнения, анализа, синтеза, дедукции/индукции, аналогии и моделирования, а также сравнительно-исторический, сопоставительный, интерпретативный, контекстуальный, этимологический, лингвокультурологический, телеологический, аксиологический, системный, концептуальный, семиотический подходы с учетом логики и взаимосвязи правового дискурса, различения рода/вида и других параметров.

Методология исследования юридического французского языка отличается от методологии изучения общелитературного, так как заставляет обратиться к междисциплинарности, вербализации правового знания. Методологически параметры правового дискурса можно определить для целей исследования по искусству правового регулирования (юридической технике), к которому право пришло, т. е. по терминологии, средствам правового регулирования, юридическому рассуждению.

Правовой дискурс материально иллюстрирует, что происходит с высказыванием в процессе порождения новых дискурсов, как появляется концепт, как он обрабатывается доктриной, превращаясь в метадискурс, и как он передается далее СМИ, трансформируясь, искажаясь или приобретая дополнительные смыслы.

Право построено на взаимодействии правовых дискурсов и создании пространства, которое, как правило, строго формализовано, и где взаимодействие текстов имеет основополагающее значение, в большей степени, чем в лингвистике (вместо теории диалога – отложенная коммуникация, вместо интертекстуальности – институциональное взаимодействие дискурсов как основа создания правового пространства). «Картины мира» – это конгломераты фрагментов дискурсов, а естественный язык – результат синергетической «рассеянности» (разновидностей взаимодействия).

С лингвистической точки зрения при споре на язык специальности существует требование определить наиболее эффективные параметры юридического языка: источник права, язык науки, доктрины, язык адвоката и принципы взаимодействия и взаимовлияния этих видов дискурсов на основе различения упорядоченности / рассеянности и системности.

Юридический язык надо рассматривать не только в диахронии языка, но и в культурологической перспективе, в диахронии института, привлекая культуру для объяснения языковых фактов. Рассмотрение явлений культуры только в языке вносит ограничения в наблюдаемый объект, так как в нем они могут быть отражены не полностью. Расширенный подход (внешней лингвистики) позволяет выявить в языке случаи невербализованности.

Особо следует отметить, что все выводы, даже кажущиеся общезыковыми, сделаны на основе изучения французского языка континентального права, для обобщений по теории юридического языка необходимы исследования по другим языкам и системам права.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что язык исследуется с позиции отдела знания – права. При такой постановке вопроса новым и малоизученным становится сам объект исследования. Исследование языка с позиции права как отдела знания дает новый подход для описания его свойств как вербализатора, позволяет сравнить эти два общественных установления и открывает факты и явления, которые лингвистика, в частности, из-за рукотворности создания правового дискурса объяснить не может. Этим данное исследование отличается от предшествующих работ.

Новой является попытка объяснить (по существу культурологический вопрос), почему праведы считают, что западная традиция права началась с римского права, а не с права Древней Греции, хотя ее культура опережает культуру Рима, по крайней мере, на два столетия. Период «греческого чуда» считается периодом «без юристов», когда правовое знание еще не сформировалось в отдельную систему, оно было разбросано по разным конфигурациям и разным отделам – топики, философии, логики, риторики. **Юридический взгляд** на «Риторику» Аристотеля показал, что в ней лишь 1/5 часть посвящена словесности, а все остальное – правовому знанию (силлогизму, который до сих пор служит основой правовой конструкции Франции). Мы опираемся на понятие **взаимосвязи** институтов – риторика сформировалась из искусств словесности: эристики, софистики и диалектики, передала свои черты праву и по мере развития права приходила в упадок, однако ее системные механизмы восприняты языками.

В истории развития правового дискурса на французском языке большая роль принадлежит рецепции римского права. Этот юридический феномен позволяет объяснить явления во французском языке, в частности, появление этимологических дублетов. Периоды рецепции римского права глоссаторов, комментаторов и постглоссаторов были фактически периодами работы с письменным латинским языком, что не могло не влиять на французский язык. Рассмотрение языка вместе с историей правового знания помогает объяснить некоторые причины изменений в европейских языках (смену *ius* на *droit*, *Recht*, *diritto*, *derecho*, *right*), в частности, сменой парадигм.

Изучение правового знания от его истоков приводит к введению новых понятий: «этимология института», которая показывает глубинные факторы,

определявшие особенности правового дискурса, а также смену парадигм; «методологическое ядро» знания, которое отражает концепцию Аристотеля относительно риторики как методологии наук (на что не обратили внимания исследователи). Понятие института близко к понятию концепта, так как переживает разные состояния в эволюции, но отличается гетерогенностью и в то же время – постоянством смыслов и создаваемых контекстов. Данное понятие должно представлять интерес для современной лингвистики и культурологии, его использовали Ф. де Соссюр(1972) и Э. Бенвенист(1995).

В диссертации представлена оригинальная концепция моделирования дискурсивного пространства континентального права на французском языке. Данная концепция перекликается с теорией диалога М.М.Бахтина (2000) и интертекстуальности Ю. Кристевой(2004), отличаясь от них тем, что дискурсивное пространство права основано на институционально закреплённом взаимодействии – от возникновения правового дискурса (в виде законопроекта) до рассеивания в общелитературном языке. Данная концепция представляется весьма плодотворной, так как позволяет проследить когнитивные этапы создания и рассеивания дискурсов. По этой схеме можно выстраивать дискурсивные модели разных знаний (например, обычного права). Она также показывает, что язык по этой схеме не выстраивается, так как не имеет денотата, демонстрируя его отличие от других институтов.

Новый подход к языку, как указывалось, заключается в четком различении упорядоченного знанием языка (языка специальности) и рассеянного (общелитературного) естественного языка. Модель взаимодействия дискурсов показывает разные степени рассеянности и завершенности. Данный подход применим к процессам терминологизации и детерминологизации.

Сравнение лингвистического истолкования с толкованием текстов в праве позволило продемонстрировать разное отношение к тексту лингвистов и юристов, а также не только рукотворное конструирование правового дискурса, но и игнорирование (в случае необходимости) юристами объективного содержания текста, в том числе и за счет невербализованности.

Выбор материалов исследования определялся задачами изучения парадигм правового знания от истоков до современности, методологией современного права, различающей средства правового регулирования (источники права) и юридическое рассуждение. В плане поиска философской основы, методологии и элементов права Древней Греции и Рима изучались Диалоги [Платон, 1993; 1994]; Риторика [Аристотель, 1978] (в том числе на французском языке(1991) для уточнения некоторых понятий и их перевода); Институции Юстиниана(1998); Законы XII таблиц, Институции Гая. Дигесты Юстиниана (1997), трактаты Цицерона [Цицерон, 1972, 1994, 2002, 2003, 2004]. Для изучения обычного права использовался словарь «Адагии французского права» [Roland, Boyer, 1999].

Французский язык современного французского права исследовался на основе законодательных и иных нормативно-правовых актов: Закона об использовании французского языка [La loi n° 94-665 du 4 août 1994 relative à

l'emploi de la langue française]; Конституции Франции [La Constitution de la République française, 1958]; Гражданского кодекса [Le Code civil. 1992-1993]; Налогового кодекса [Le Code général des impôts], специальных пособий по обучению юридическому реферированию [Annales du droit. Droit constitutionnel et institutions politiques, 1991 'Анналы права. Конституционное право и политические институты']; [Annales du droit. Introduction au droit et droit civil 'Анналы права. Введение в право и гражданское право', 1991].

Изучались также источники европейского права: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод – на французском, английском и русском языках и комментарии к ней; Le traité de Lisbonne 'Лиссабонский договор' и комментарии к нему в книге Сорона «Читать и понимать Лиссабонский договор» [Sauron, 2008], а также материалы Суда ЕС и Европейского суда по правам человека.

В диссертации нами использовались словари, отражающие специфику исследования: Словарь индоевропейских социальных терминов [Бенвенист, 1995], вышеуказанный словарь Адагии французского права, Словарь римского права [Бартошек, 1989], Словарь античности(1993), Этимологический словарь латинского языка [Ernout et Meillet, 2001].

Теоретическую базу исследования составили труды по проблемам:

–истории языка: А. Доза, Н. А. Катагощиной, Н. Н. Лыковой, Б. В. Якушина;

–этимологии: М. М. Маковского, О. Н. Трубачева;

–семантики: И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюновой, Э. Бенвениста, Г. Фреге;

–семиотики: Р. Барта, А. Г. Волкова, Ф. де Соссюра, Б. А. Успенского, У. Эко;

–лингвистики текста: Н. С. Валгиной, А. В. Зеленщикова, Л. Г. Ким, Ю. В. Прохорова, В. Е. Чернявской;

–когнитивной лингвистики: Н. Н. Болдырева, В. З. Демьянкова, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, Н. А. Кобриной, Е. С. Кубряковой, Л. А. Фурс, А. А. Худякова и др.;

–терминоведения: М. Н. Володиной, В. М. Лейчика, В. Ф. Новодрановой;

–логико-методологических основ риторики: Аристотеля, А. А. Волкова, М. Гаспарова, Платона, Ю. В. Рождественского, R. Barthes;

–взаимосвязи языка и культуры, картины мира: Н. Ф. Алефиренко, Р. А. Будагова, А. Вежбицкой, В. В. Воробьева, Г. С. Кнабе, А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана;

–теории парадигм: В. З. Демьянкова, Е. С. Кубряковой, Т. Куна, Ф. де Соссюра;

–лингвокультурологии: В. В. Воробьева, В. Г. Костомарова, В. А. Масловой, Н. В. Рапопорта, Ю. С. Степанова, А. Г. Хроленко, М. А. Шелякина;

–теории философии языка: В. В. Библихина, Й. Л. Вайсгерберга, В. Гумбольдта, Э. Кассирера, Г. В. Колшанского, М. Фуко, Й. Хёйзинга, Ф. Шлейермахера, В. С. Юрченко;

–юридической лингвистики: Н. Д. Голевой, G. Cornu;

- взаимоотношений языка и права: Т. В. Губаевой, В. А. Иконниковой, А. К. Соболевой;
- философии права: В. Ф.Асмуса, В. Ф.Гегеля, Т. Гомперца, Г. В.Лейбница, Ф. В.Тарановского, Е. Н.Трубецкого;
- теории института: Ж.-Ф. Лиотара, М. Наугиу;
- теории позитивизма: О.Конта;
- юридической герменевтики: Х.-Г. Гадамера, П. Рикера, F.Terré;
- истории юриспруденции: Н. М. Азаркина, Дж.Бермана, В. Г. Графского, Р. Давида, Д. В. Дождева, Л. Л. Кофанова, И. Б. Новицкого, Р. Dubouchet;
- методологии права: Т. В. Кашаниной, О. А.Хазовой, А. Ф. Черданцева, J.-L.Bergel, P. Sandevouir;
- трансляции знаний и их репрезентации: Н.Н. Болдырева, С.Крипке, У. В. Куайна, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, М.К.Тимофеевой, М.Фуко;
- эпистемологии: В. А. Лекторского, М. Фуко, Chr.Atiás.

Положения, выносимые на защиту

1. Для создания адекватной картины явление должно изучаться, начиная от его истоков (в эпоху античности дискурс права, основанного на природе вещей, не отличался от общелитературного языка) и в целостности, поэтому на защиту выносятся новое для лингвистики направление – изучение языка, основанное на понятии «этимология института», которое дает возможность сравнить в диахронии язык и право как вербализатор и репрезентируемое знание. «Этимология института» и его «генетический путь» показывают, что правовое знание возникло за тысячу лет до появления французского языка и не совпадает с его эволюцией.
2. Понятие «этимология института» расширяет смысловое пространство, придает экстралингвистическим факторам системный характер, показывает универсальный характер концептов, которые переходят от одного института к другому, и позволяет восполнять лакуны невербализованности.
3. «Этимология института» и «генетический путь» права позволяют выявить этимологические составляющие в семантике французского юридического языка, воспринявшего знания в виде заимствований, рецепции, трансляции и т. д., а именно: материальность, виртуальность, ритуальность, формализм, десакрализацию.
4. Французский язык обслуживает систему континентального права, не похожую на его собственную. Право объемно, язык линеен. Право оперирует более крупными категориями (нормами), нежели язык. Оно отличается от языка непосредственным выходом на действительность и парадигмой от общего к частному, язык же остается в своей виртуальности и имеет когнитивно-дискурсивную парадигму. Методологически параметры правового дискурса для целей исследования определяются по юридической технике (искусству правового регулирования) и юридическому рассуждению.
5. Совмещение явлений из разных сфер порождает на уровне междисциплинарности парадоксальные ситуации и вопросы, касающиеся, в частности, причин упадка риторики и ее влияния на право, первенства Древней

Греции в конкуренции с Римом в создании правового дискурса, а также поиска его элементов, если института (права) в целостности еще нет.

6. Изучение преемственности и взаимоувязанности институтов и искусств словесности, а также юридический взгляд на риторiku периода античности дают возможность выдвинуть положение о том, что риторика была промежуточным этапом в период отсутствия права, а право оказалось ее преемником и «могильщиком».

7. Взаимодействие текстов и дискурсов является институционально закрепленной особенностью дискурсивного пространства права, которая способствует упорядоченности правового дискурса. Французский язык целесообразно рассматривать с позиции взаимодействия дискурсов, их упорядочивания (под влиянием специальных знаний) и рассеивания (дискурсивного формирования естественного языка).

8. Рассмотрение языка с позиции права и расширение поля исследования предполагают сочетание эпилингвистических, энциклопедических и металингвистических знаний, позволяют выделить параметры языка в его функции вербализации права, подтверждают его конгруэнтность и неотделимость от знания, значительно обогащают материал и обеспечивают эффективность преподавания языка.

9. Основы правового знания для включения в учебник по юридическому языку целесообразно искать в методологическом ядре (топике) права и его юридической технике, по аналогии с которой вводится понятие «лингвистическая техника», подтверждающее неотделимость языка от знания и его рассмотрение «в самом себе и для себя» – как метод исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке самостоятельной концепции отношений между французским языком и континентальным правом и модели рукотворного построения дискурсивного пространства права, а также в выявлении правил и принципов организации юридического дискурса, элементов философии языка и права, ассоциативного мышления и языкового чутья. Это является вкладом в развитие юрилингвистики и лингводидактики.

В основе общей концепции юридического французского языка лежит различение основных параметров дискурсов: рассеянность/упорядоченность, рукотворность/бессознательность и учет методологического ядра и юридической техники вербализуемого знания, что способствует разработке лингвистической техники и структуры тезаурусов правовой лексики.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы при профессиональном изучении французского юридического языка, составлении учебных пособий, повышении квалификации преподавателей и переводчиков юридической литературы, а также при составлении словарей по языку специальности.

Описание модели дискурсивного пространства права и институционального взаимодействия дискурсов (в виде витков спирали)

является наглядной иллюстрацией функционирования юридического французского языка.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были обсуждены на заседании кафедры французского языка МГИМО МИД России 30.11.2017, а также в публичных выступлениях на ежегодных Международных научных конференциях МГУ им. М. В. Ломоносова «Язык и право» (2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017); на Международной научной конференции МГОУ «Романские языки в межкультурном пространстве» (2012); на международной научно-практической конференции I. Фирсовские чтения: «Современные проблемы межкультурной коммуникации» (РУДН, 2014); на Международной конференции «Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе» (РУДН, 2015); на III Международной научной конференции «Контрастивные исследования языков и культур» (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь, 2017). В целом опубликовано 49 научных работ, из них по теме диссертации: 2 монографии, 39 статей, из которых 18 – в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации определяется целями, задачами и содержанием исследования, охватившего не только значительный период западноевропейского знания, но и потребовавшего углубленного изучения объектов вербализации – права Франции и Европейского союза. Вследствие ограниченности объема работы часть материалов вынесена в приложения, более подробно изложена в монографиях и статьях. Диссертация состоит из Введения, 4-х глав, Заключение, списка литературы и 4-х приложений. Общий объем диссертации – 450 страниц, список литературы содержит 769 источников (597 – отечественных, 172 – иностранных).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновываются выбор темы диссертации, ее актуальность и новизна, объект и предмет исследования, выдвигается гипотеза, ставятся цель и задачи, сформулированы основные положения диссертации, определены теоретическая и практическая значимость работы, ее научная новизна, описаны методы исследования, языковой материал, и приведены данные об апробации работы.

В первой главе «**Культурные корни французского языка как преемника правовых знаний периода античности**» в разделе **1.1. ««Предсуждения» относительно изучаемого объекта, репрезентируемого современными вокабулами «право» и «язык» на французском языке»**, представлены параметры, обозначаемые современной вокабулой *droit* 'право' в разных ипостасях: правосознание, доктрина, наука, институт, отрасли права, объективные, субъективные права. Континентальное право Франции рассматривается как регулятор, а язык – как его вербализатор.

В работе показано, что лингвистическое исследование языка специальности нуждается в дополнительных энциклопедических знаниях для объяснения языковых явлений (например, только с помощью юриспруденции можно истолковать противопоставленность «грамматических синонимов»: *système juridique* (правовая система)/ *système de droit* (система права), хотя правовая норма и норма права (*règle juridique, règle de droit*) такой оппозиции не формируют).

В отличие от ограниченного материальностью плана выражения, план содержания дает возможность отслеживать идею, даже если она не вербализована и восходит к далекому прошлому. Хотя история идей обычно не включается в группу лингвистических знаний, мы считаем, что она в языке проявится (например, как денотат) и на него повлияет, поэтому в целом первая глава посвящена поиску предпосылок правового дискурса, начиная от их истоков в период архаики и античности, когда общественного установления еще нет. При обращении к истокам знания возникает теоретический вопрос, а именно: где искать это знание (или его элементы), особенно в период ороакустической культуры, когда оно еще не сформировалось в систему, не имеет парадигмы, рассеяно в синкретическом клубке отдельными элементами, тем более что правовое знание эпистемологически трудно обнаружимо. В поисках права Э. Бенвенист выделяет в «Словаре индоевропейских социальных терминов» индоевропейские корни *ius, fas* и *med* и устанавливает, что в дописьменный период они не имели значения «право», как и корни *rex, regis*, с которыми связана латинская вокабула *regula* 'линейка, правило', даже в римском праве (304 г. до н.э. – 476 г.) эта вокабула не имела значения правовой нормы.

В разделе **1.2. «Культурно-дискурсивные предпосылки западноевропейского правового знания»** показано, что период ороакустической культуры характеризуется отличной от античной конфигурацией институтов и искусств, что возникшее из обычного дискурса право – позднее образование не только по своему происхождению, но и своим восприятием предшествующих институтов (искусств словесности) или иных понятий, поэтому целесообразно искать не право, а более обобщенное понятие – **регулирование**, не систему и парадигму, которых еще нет, а лишь отдельные элементы. Среди наиболее древних элементов регулирования в культуре Древней Греции и Рима мы обнаруживаем табу и жертвоприношение. Табу выражает запрет (инцеста), а запрет – одно из 3 предписывающих установлений, на которых основано современное правовое регулирование.

Жертвоприношение является материальным способом влияния на действительность, способом создания дополнительного объемного смысла – сакральности, который возник в результате эволюции дискурса. В жертвоприношении мы видим конструкцию, представляющую собой сочетание материального и виртуального и создающую дополнительный смысл, связанный с воздействием на божество или природу и с надеждой на исполнение мольбы. Латинскую вокабулу *victima* (*искупительный дар божествам*) можно сравнить с французским словом *victime* (*жертва, потерпевший*). В отношении

парадигмы дописьменного периода можно утверждать, что жертвоприношение – вид регулирования по модели: цель – действие – результат, пришедший к дематериализации.

Для выполнения своих функций язык призван быть упорядоченным, поэтому в его истории намечаются этапы движения к упорядоченности вплоть до создания параллельного виртуального мира: хаос – линейность – выход за пределы пропозиции – конструирование дискурса, влияющего на действительность – модальность, объемность – объективация – виртуальность.

В разделе **1.2.1.3. Институционализированное взаимодействие дискурсов** институционализация представлена как эмпирический фактор, определяющий эволютивность общественных отношений и языка. Изучение этимологии институтов и анализ языковых явлений показывают преемственность между религиозными и светскими (правовыми) институтами в цивилизационной перспективе, а также институционализированное взаимодействие дискурсов.

Проведенное исследование приводит к мысли о том, что именно институт «регулирования» как рамки вербализации знания с помощью языка дает возможность его проследить в разных сферах, в разное время, на разных языках и определить параметры, которые можно считать этимологическими составляющими в семантике французского слова, т.е. «этимология института» регулирования дает возможность установить корреляцию с семантикой французского слова. Об этом идет речь в разделе **1.2.2. «Этимологические составляющие в семантике французского правового дискурса»**. Составляющими семантики являются следующие: **1.2.2.1. Ритуальность (как синтаксическая конструкция)**, иллюстрируемая соположением греческих фраз: «*Themis estin*» – «*Dike estin*» (переводческий эквивалент: «*Возникает ли здесь право?*») и ответ «*Право (которое вершат люди) возникает*») [Gaudemet, 14]. *Ita ius esto!* ‘Пусть будет так!’ – латинская ритуальная фраза. В современном французском языке ритуальные фразы также используются: *La Cour ! Встать, Суд идёт!* (в слове *Cour* нет идеи «встать», нет идеи «идёт»). Если судебным органом является *tribunal*, то ритуальной фразой будет: *Le Tribunal!* Второй тип составляющих семантики описан в разделе: **1.2.2.2. Материальность правовых значений в римском праве как основа трансляции знаний (полисемия, метафоризация, силлогизм) французскому языку**. Слова, обозначающие понятия права Рима: платежеспособность, весовщик, обязательства, фискальный и т.д. – в своих первичных смыслах свидетельствуют о материальных способах регулирования отношений (кулачное право, монополь). В Риме периода архаики эти символы играли важнейшую роль, они предшествовали формализму римского права. Во французском языке появятся вокабулы *mainlevee, mainmise*, по-видимому, вслед за словами истца на латинском языке «*по поводу этого предмета я на тебя налагаю руку*» [Институции Гая, 123]. Материальное значение является базовым в семантике французского слова, оно приводит к метафоризации, полисемии и т.д. Его мы видим не только в латинских заимствованиях (*iurisdictio* – *я говорю право*), но и

во французских образованиях: *Parlement* – (букв. *судоговорение* от глагола *parler*) Королевский суд Средневековой Франции (отменен в 1789 г.). В значении «парламент» слово пришло из Англии. Материальность значений в семантике подтверждается фактами культуры (средствами доказывания, выявления истины, судебными процессами).

Во французском языке юридическое использование глагола *dire* повторяет юридическое значение глагола *dicere* (который противопоставлен глаголу *āio* ‘я говорю’), что описано в разделе **1.2.2.3. Преемственность глаголов говорения (*verba dicendi*) во французском правовом дискурсе.** Французский глагол *dire* в своем юридическом (торжественно-официальном) значении используется только в резолютивной части судебных решений (*La Cour dit* ‘Суд постановляет’) и не используется в мотивировочной части для введения косвенной речи тяжущихся в судебных решениях Суда ЕС, Франции, ЕСПЧ, чему служат другие глаголы с разными оттенками значений: *il affirme, allègue, déclare, prétend, soutient*, etc. Особое значение глагола *dire* находит свое объяснение в культуре Греции и Рима: в западной культуре выражение *ipso dixit* (*сам сказал*) отражает принцип суждения, оценки, особой ссылки на авторитет и используется со времен Пифагора (по-гречески *autios épha*). Для права имеют значение и другие латинские глаголы говорения: *āio, for, oro, sermo*. Влияние религии на семантику французского языка отражено в разделе **1.2.2.4. Профанное/сакральное в правовом дискурсе.** Ярким воплощением синкретизма и совмещения профанно-сакральных, религиозных и правовых смыслов служат слова, обозначающие «священное»: *sacer* и *sanctus*, в них синкретизм основан на совмещении несовместимого и противоположного (оксюморон), типа русского «благовоние». В западной культуре оксюморон – нередкое явление, и не только в языке. С помощью конкретного выхода в реальную действительность (экстралингвистического фактора) можно отличить *sacer* в положительном смысле от того же слова в отрицательном. Во французской конструкции заложены оба смысла: *ceci est sanctionné par le Gouvernement* ‘правительство это защищает, а в случае нарушения – наказывает’. Прилагательное *sacré* имеет противоположные смыслы в зависимости от препозиции или постпозиции к существительному: *sacré soleil* ‘проклятое солнце’/*soleil sacré* ‘священное солнце’. Сакральное и профанное совмещались не только в языке, но и в материальном мире, ибо первыми магистратами, держателями знаний и судьями были жрецы-понтифики: *pontife–pontifex – prêtre*, олицетворяя десакрализацию власти (*laïcisation du pouvoir*), они были первыми юрисконсультантами (Квинт Муций Сцевола), Цицерон был авгуром. Указанное совмещение значений несет современное слово *ministère: ministère du Christ* ‘богослужение Христа’, *ministère public* ‘прокуратура’.

1.2.2.5. Эффективность правового дискурса. Эффективность слова не ставится под сомнение ни в период оро-акустической культуры, ни с возникновением письменности. Однако средства достижения эффективности слова, источников языка и права, а также хранения информации были разными.

Явным свидетельством oro-акустических источников права являются «вербальные контракты» римского права, из которых *sponsio* представляет собой наиболее древнюю форму *стипуляции* (*stipula* в прямом значении ‘*tige des céréales, chaume, paille*’ коррелирует с русским словом *стебель*), в переносном смысле означает «*твердое обязательство*». *Стипуляция* как форма заключения устных договоров представляла собой проявление устной традиции и ритуальности, которая выражалась в словесных формулах, например, «*Обязуешься? Обязуюсь*», «*Дашь? Дам*» и т.д. Современный французский язык сохраняет значение глагола *stipuler*, различая: *la loi dispose* – закон гласит, но *le contrat stipule* – договор предусматривает, что подтверждается словарем [Lexique des termes juridiques, 497]. Таким образом, *la loi stipule* сказать нельзя, поскольку речь идет о разных отраслях права: конституционном и гражданском. В русском языке таких глагольных различий нет (в русском переводе текстов римского права используется глагол «стипулировать»).

В разделе **1.3.«Этимология института в культурологической перспективе»** показано, что в период античности философы конструируют понятия справедливости, свободы, блага.. В Древней Греции право в отдельную систему еще не выделено, Аристотель не признавал его даже как *techné* ‘искусство’. В разделе **1.3.1.«Эволюция права, конструирование правовых понятий «справедливость», «свобода»»** говорится, что понятие свободы (от первоначальной идеи «выросшие вместе») приобрело новое значение, войдя в оппозицию к несвободе. В Книге первой Титул 1 Дигест Юстиниана Ульпиан пишет, что Цельс (ок. 25 г. до н.э. – 50 г. н.э.) сказал, что *право есть наука о добром и справедливом* (С. 157). Данное изречение свидетельствует о том, что к I в. до н.э. с правом уже ассоциировалась идея справедливости по сравнению с периодом жертвоприношений и мистерий. От латинского слова *aequus* во французском языке сформировались два слова *équitable* ‘справедливый’ и *égal* ‘равный’, что приводит к мысли о том, что римляне этих смыслов возможно не различали.

Еще одним свидетельством эволюции институтов явилась смена вокабул, обозначающих «право», о чем идет речь в разделе **1.3.2.«Смена вокабул, обозначающих «право» (лат. *ius*/фр. *droit*)»**. Лингвистические теории не объясняют, почему понятие *droit* стало выражать «право» в современных языках (*droit* – прямой). Этимологический словарь показывает только этимон: 1) *directus* ‘прямой’ – *rego* ‘править’ – *diriger en ligne droite* ‘двигать по прямой линии’ (С. 566). В то же время перспектива изменения значений данного корня дает следующий ряд: *rex* ‘царь’ – *rego* – *regula* ‘палка’ – *rectum* ‘правильное’ – *directus* – *droit*, что ведет их к идее регулирования и правомерности.

На больших промежутках времени видна не только смена смыслов, но и вокабул (*rex/imperator*). Смена вокабул *ius/droit* не была единственной: почитание империи Рима сменилось появлением в Средние века понятий *foi* ‘вера’, *fidélité* ‘верность’; понятие *res publica* ‘общая вещь’ под влиянием христианства превратилось в *bien commun* ‘общее благо’; в светской сфере

появилось государство 'État'. Изменение значений можно объяснить сменой парадигм: развитием христианства, падением Римской империи, действием племенного права в период романизации, отходом права от природы вещей, от преторского права (парадигмы от частного к общему).

В представленных разделах речь шла об отдельных вокабулах, так как заслугой римлян в создании римского права была, по выражению Иеринга, разработка «азбуки права», которая была транслирована французскому языку, в частности, благодаря рецепции римского права. В то же время следует иметь в виду не только лингвистические заимствования, но и трансляцию дискурсивных механизмов, о чем идет речь в разделе **1.4.«Трансляция знаний античности (заимствования, трансферы, взаимодействия). Роль риторики в развитии правового дискурса в период античности».**

Если рассматривать культуру Древней Греции и Рима вместе, особенно в перспективе развития права, то мы увидим, что при отсутствии права в Древней Греции (его называют «ускользающим», правом «без юристов») риторика оказывала регулирующее действие, по крайней мере, в судебном процессе, а с развитием права (в Риме) стала приходить в упадок. Данная ситуация свидетельствует о взаимозависимости институтов: риторика восприняла элементы искусств словесности, а право заимствовало элементы риторики. Об этом свидетельствует параллелизм риторических и процессуальных вокабул в латинском и французском языках. В определенном смысле риторика стала методологией права (его юридической техники), и эти черты перешли в западную традицию права. Из известных 5 частей риторики наиболее близкими к юридической технике являются *inventio* (нахождение аргументов), *dispositio* (расположение аргументов), *actio* (произнесение речи). Произнесение речи обозначено глаголом *actio (agere)*. Связанные с этим глаголом значения отражают развитие римского права: участников процесса, разнообразные виды исков, в том числе и древнейшие (*legis actiones*) (Приложение А). Такую же институциональную, дискурсивную и лексикологическую взаимозависимость мы видим в отношениях между религией и правом.

Указанные части семантики восприняты через латинский язык, который передал юридическому французскому языку не только современные ему знания, но и собственные архаичные лексико-грамматические элементы (юридическое значение глагола *dicere*, а также *cognōscere dé* 'разбирать' – особое (неправильное) употребление на французском языке глагола *connaître de qch* – *разбирать дела в суде*).

В качестве перспективы влияния на французский язык отметим, что на этом этапе право еще основано на «природе вещей», еще имеет «преторскую» парадигму (от факта к формуле), не превратилось в конструкцию, не конституцировано в науку (нет научных понятий: *источник права, норма, термин*, хотя соответствующие вокабулы в латинском языке есть: *fons, fontis, regula, norma, terminus*), не сформировано в отдельную систему (понятия *системы* еще нет, использовалось понятие *corpus* 'свод'), поэтому во второй главе **«Новая парадигма дискурса западной традиции права»** план

содержания французского правового дискурса рассмотрен на основе значимых вех эволюции права в Средневековой Европе: сохранения и трансляции достижений античности (2.1.«Достижения (*acquis*) античности в наследии «последних римлян», носителей античной рациональности: Боэция, Кассиодора и Исидора Севильского»).

Кроме трудов Боэция и И. Севильского, следует отметить два раздела трактата Кассиодора «Наставления в науках божественных и светских», посвященные искусствам словесности: «О риторике» и «О диалектике», где перечисляются основные мысли и ключевые слова, три рода дел: показательные, совещательные и судебные, а также формулы силлогизмов, которые демонстрируют преемственность идей античности.

Проблема изучения религиозных составляющих в семантике правового дискурса не может быть сведена к дате вхождения в язык отдельных вокабул (в праве их очень много: *purger une peine* (XII в.) ‘отбывать наказание’, *pénitentiaire* (XIV в.) ‘пенитенциарный’, *consacrer* (XII в.) ‘закреплять’, *victime* (XIV в.) ‘потерпевший’ и др.. Многие из них датируются периодом Средневековья, так как пришли они из канонического права (хотя их этимоны восходят к античности). Поэтому правовой дискурс должен рассматриваться в свете основных тенденций трансляции знаний с учетом периодов общественных установлений или институтов.

Вместе с развитием правовых идей шло развитие дискурса. В разделах 2.2.«На пути к нормативности – смена когнитивно-дискурсивных парадигм права. Разработка метадискурса». 2.2.1.«Рецепция римского права как путь к универсализации и концептуализации правового дискурса и ее влияние на французский язык» показана рецепция римского права и ее влияние на французский язык. В культуре Западной Европы рецепция римского права (которое стало *ratio scripta*) была знаменательным событием (XI в.) не только для церковного права, западной традиции права и дидактики, когда были созданы парижская и болонская школы права, университет в Париже с факультетом права, но и для языковых процессов – контактов, заимствований, универсализации. Рецепция римского права недооценивается лингвистами. Между тем ею можно объяснить многие феномены: устойчивое употребление латыни во Франции (вплоть до принятия в 1539 г. ордонанса об использовании французского языка в суде и во время богослужений) и ее превращение в *lingua franca* – язык международного, культурного и научного общения; под влиянием рецепции римского права Франция оказалась разделенной на *pays de droit écrit* (южные регионы писаного права) и *pays de coutumes* (северные регионы обычного права) в зависимости от используемых в суде правовых парадигм. Рецепция римского права способствовала появлению *этимологических дублетов* во французском языке (лексикологический феномен). От одного и того же латинского глагола *stare* образованы (в разные периоды времени) глагол вульгаты *essere*, в старо-французском языке соответственно глаголы *ester* и *estre*, в современном французском языке используется глагол *être* ‘быть’, а юристы-профессионалы до сих пор употребляют терминологическое выражение

ester en justice (искать и отвечать в суде), особенно в письменном дискурсе. И сама рецепция представляет собой работу над правовым дискурсом (в смысле его адаптации, толкования и развития), т.е. над правом и латинским языком, о чем свидетельствуют 3 течения: глоссаторов, комментаторов и постглоссаторов, которые то подгоняли семантику латинского языка под новую действительность, то искали исконные смыслы римских трактатов с юридической и лингвистической точек зрения (Cujas). Рецепция римского права, без сомнения, продлевала жизнь латинского языка как *lingua franca*. Отсутствием полной рецепции римского права (борьбой правовых парадигм) можно объяснить причину того, что при сходстве корней общелитературного языка правовые термины английского языка значительно отличаются от французских правовых терминов, а с ними и философия Общего права.

В языке процессы универсализации происходили в Древнем Риме как на уровне отдельных вокабул (в римском праве, например, *sententia* – 1) приговор, судебное решение; 2) окончательное мнение какого-либо органа; 3) точка зрения римского юриста; *Sententiae* – сборник юридических правил [Бартошек, 1989, 291]¹; в настоящее время французское слово *sentence* сохранило терминологическое значение *приговор, арбитражное решение* и универсальное – *сентенция*), так и завершенных дискурсов, например, *Non bis in idem* – *не дважды за одно и то же*.

Феномен сжатия высказывания до афористичной лапидарной формы юристы называют *sédimentation juridique* (буквально – *выпадение в осадок*). Такие изречения становились универсальными, употреблялись в других сферах и в другие периоды времени, превращаясь в правила и принципы. Принцип *Non bis in idem* используется и в наше время, например, в Суде ЕС (дело Fransson C-617 /10 от 26 февраля 2013 г., решение C-486/14 по делу П. Коссовского и др.), и является объектом многочисленных комментариев. На французском языке данная тенденция закреплена в форме обычного права (*droit coutumier*), что зафиксировано в словаре *Adages du droit français*.

С укреплением позиций французского языка рецепция римского права приводила к активизации переводческой деятельности. Среди неологизмов XIV–XV вв. в «Истории французского языка» отмечается много юридических терминов: *contrat* ‘договор’, *électeur* ‘избиратель’, *légal* ‘законный’, *motif* ‘основание’, *onéreux* ‘возмездный’, *persécuter* ‘преследовать’, *préméditation* ‘предумышленное действие’, *promulguer* ‘промульгировать’, *traité* ‘трактат’, созданных переводчиком Аристотеля Н. Оремом (N. Oresme, 1320-1382) [История, 1963, 268]. У первого переводчика Тита Ливия П.Берсюира (P. Bersuire, 1290-1362) также есть неологизмы, близкие к юридическим: *convoquer* ‘созывать’, *inique* ‘несправедливый’, *magistrat* ‘магистрат’, *révoquer* ‘отзывать’, *suspect* ‘подозреваемый’ [История, 1963, 269].

С лингвистической точки зрения рецепция римского права демонстрирует институциональное взаимодействие дискурсов, лингвоюридическое отношение к языку, праву и его парадигме. Универсалии римского права формировали

¹ Указанные значения хронологически отстоят друг от друга.

новую парадигму от общего к частному, а его толкование (герменевтическое) способствовало развитию науки, доктрины и юридического языка.

В разделе **2.2.2. «История концептуализации права в Средневековой Европе как формирование когнитивно-дискурсивной парадигмы западной традиции права (доктрины и науки)»** речь идет о создании когнитивно-дискурсивной парадигмы юридического французского языка, о работе правоведов над правовым материалом, когда создавались доктрина и наука права, что дает возможность поставить глобальный вопрос в культурологической перспективе: из чего должно выводиться правило – из факта как в Риме или из дискурса.

Труды Грациана, Альтузия и Гроция были работами по классификации и систематизации правового дискурса и поиска правовых знаний, в них отражены основные моменты развития концептуальной системы права, его *логико-лингвистической организации*, влияющей на правовой дискурс. Особенно следует отметить работу Лейбница, который создал теорию деонтических модальностей (на этой основе Т.В.Губаева развивает деонтику). Лейбниц стремился создать «элементы права» по типу элементов геометрии Евклида, став провозвестником и основателем логики норм или деонтической логики – он первым открыл логические свойства нормативных предложений. Именно юридичностью право отличается от других общественных установлений. В своем труде «О комбинаторном искусстве» (*De arte combinatoria*) 1666 г. он исходил из того, что любое понятие можно разложить на простые элементы, обозначив каждый из них печатной буквой, так чтобы все возможные комбинации этих букв дали интегральную картину, которая называется *Charactéristique universelle*. Это фактически должна была быть «думающая машина». Он считал, что элементы судебной практики надо зафиксировать, дать им определения и классифицировать по родам и видам (эти три операции: нахождение, определение и классификация простых элементов взаимосвязаны и являются единой операцией), а комбинация этих элементов должна дать формулы разных случаев судебной практики, в том числе и новых в юриспруденции, которые можно прогнозировать и по каждому случаю предусматривать решение.

На французском языке *règle de droit* – норма права. Несмотря на наличие не только вокабул: *regula* ‘прямая палка’ и *norma* ‘наугольник’ в латинском языке (под которыми подразумевались дефиниции), но и синтаксических конструкций с союзом *si* (Приложение А), юридического понятия нормы в римском праве не было. Оно было сконструировано в Европе к XVII в.

В результате логической эволюции права и обработки дискурса сформировались **две парадигмы**, два диаметрально противоположных подхода: **романо-германский** – от общего (нормы) к частному (к конкретному факту) и **прецедентный** (преторский) – от частного к норме (англо-саксонское Общее право, сравнительное право). Эти две парадигмы права оказывают значительное влияние на языки или являются их манифестацией. Изучая разные правовые дискурсы, Д. Менгено [D. Maingueneau, 1996] пришел к выводу, что

различия между ними проявляются и в способах (индуктивном и дедуктивном) юридического рассуждения при установлении соотношения между фактом, нормой и действительностью. Поэтому дискурс юристов континентального права характеризуется «строгостью, устойчивостью и абстрактностью», дискурс Common Law (Общего права) – «malléabilité» (*гибкостью, податливостью*), «adaptabilité» (*адаптивностью*). По типологии Д. Менгено мы ориентируемся на письменный нормативный тип текстов, в отличие от англо-саксонского типа – устного, обычного, каждодневного [Костюшкина, 2009,196]. Представленные типологии характеризуют внутреннюю форму французского и английского языков. Основной спор, относящийся к правовому дискурсу и практически определивший существование в Европе двух систем: романо-германского континентального права и прецедентного в Великобритании, сводится к эффективности социального регулятора: какой регулятор эффективнее: в виде набора формул (позитивного права, законов, норм) или прецедентов, т.е. должна ли концептуальная система права превращаться в формулы, быть искусственно структурированной. И это – не праздный вопрос, ибо, как известно, в отличие от континентального, англо-саксонское право не имеет Конституции, не знает ни деления на публичное и частное право, ни полной рецепции римского права. Эти различия предопределили своеобразие судебных процессов и соответственно – роль закона и прецедента в суде: чтобы обратиться в суд во Франции, необходимо, чтобы был *intérêt à agir* (целесообразность подачи иска, возможность выигрыша), что выражено в адагии: *Pas d'intérêt, pas d'action* (нет интереса, нет и иска), иначе дело не будет принято к производству, в Англии такого запрета нет. Таким образом, существование двух разных правовых систем есть отражение различий в культурах, в логике мысли, мировоззрении, философии языка, ментальности, и дело языков – это визуализировать. Наше исследование останавливается на лингвистической технике французского языка. Теория языка должна пойти дальше в изучении отношений между языком и правом. Мы ограничиваемся констатацией вербализации, подчиненной знанию, и конгруэнтности французского языка, и не ставим цели дачи углубленной оценки первичности культуры по отношению к языку.

Изменение мысли на пути к нормативности проявляется на лексическом уровне. Революционные события ускоряют движение смыслов в языке, при этом происходит или смена вокабул, или смена смыслов в той же вокабуле. С появлением во французском языке, вокабулы *droit* (*право*) и *loi* (*закон*) ассоциировались нераздельно с такими актами, как *injonctions* (*распоряжения*) и *interdictions* (*запреты*). Подобно тому, как в Риме законы, решения плебеев, постановления Сената, конституции [Институции Гая, §§ 2-7, 17-18], указы императоров, эдикты сановников назывались *lex, leges*, так и в Средневековой Европе использовались слова *droit, loi* и латинское *lex* как метадискурс, заменяя: *établissement, mandement, ordonnance, constitution, statut, édit* '*установление, приказ, ордонанс, конституция, статут, эдикт*' [Introduction, 2000, 31], что является результатом романизации и комментирования. К моменту появления континентального права доктрина установит четкие

различия между этими актами. В то же время, благодаря развитию доктрины, идея права обрела новые смыслы, которые ее вели к современной парадигме. Идея права и нормы развивалась от *ars boni et aequi* 'искусства доброго и справедливого' (*ubi societas ibi ius* 'без права нет общества' в Древнем Риме) к идее права Лейбница – как выражению Разума (*droit est l'expression de la Raison*), как воле высшего авторитета (*droit est la volonté d'un supérieur*), как к обязательному правилу в оппозиции к наказанию (*règle obligatoire assortie d'une sanction*). Право содержит позитивные положения, которые его отличают от нравственных принципов (*le droit est fait de dispositions positives distinctes de préceptes moraux*). Норма права должна быть законной и содержать принуждение (*la règle de droit doit être légitime, contenir légitimité et contrainte – la contrainte légitime*). Все эти значения развивались постепенно, как отмечают историки права [Introduction, 2000,5-6], в результате к моменту появления указанной парадигмы во французском языке произошло размежевание: *droit* стало правом, *loi* – законом (в английском языке *law* – право). Создание нормы как вида предписывающих высказываний стало вехой в развитии правового дискурса, правовая норма (*règle de droit, règle juridique*) заняла место в главной посылке силлогизма – главное условие современной парадигмы права [Stamatis, 1995]. Кроме понятия нормативности, рукотворно были созданы научные юридические понятия: *source de droit* 'источник права', *système* 'система', *terme* 'термин', *hiérarchie* 'иерархия'.

Теперь, когда вырисовалась парадигма, в которой главным стало создание нормы, закона, опишем модель дискурсивного пространства права.

В разделе **2.3. «Концепция моделирования юридического французского языка континентального права как вербализация и институциональное взаимодействие дискурсов и знаний»** представлена модель или путь порождения дискурсивного пространства континентального (писаного) права романо-германской правовой семьи (нормы, закона и т. д.) на французском языке. На примере законотворческого процесса, обобщенная модель порождения дискурсивного пространства права представлена в виде витков спирали и трех точек на одном витке Д1 – К – Д2, образующих треугольник: т. Д1 – исходное пространство разработки законопроекта (номинация), т. К – концептуализация, валидация, объективация – принятие закона (Парламентом), т. Д2 – правоприменительная практика (использование нормативных актов в суде). Треугольник показывает типологические черты генезиса дискурсивного пространства права. Такой путь (в других институтах) проходит фактически любой дискурс, но институты номинации, концептуализации, объективации и медиатизации будут иными.

Модель создания на французском языке дискурсивного пространства континентального права характеризует функциональный аспект французского языка. В исследовании показано (в отличие от интертекстуальности) институциональное взаимодействие юридических текстов: от момента их возникновения (в виде законопроектов), через концептуализацию и объективацию вплоть до правоприменительной практики, а также размывание

дискурсов в каждой точке треугольника в доктрине, науке, учебной литературе и СМИ. Таким образом, модель показывает упорядоченность (источников права) и рассеянность дискурсов. Материальной иллюстрацией взаимодействия дискурсов может служить Лиссабонский договор в его подлинной версии. Каждая статья договора отражает **все изменения**, внесенные в текст, как будто она имеет самостоятельное существование и эволюцию. Покажем это на примере статьи 98 Лиссабонского договора:

TL/fr 98. L'article 106 est modifié comme suit:

a) au paragraphe 1, première phrase, les mots «en euros» sont insérés après «...billets de banque...»;(Л.Д./фр.98. Статья 106 изменяется следующим образом:

а) в первую фразу пункта 1 включены слова «в евро» после слов «банковские купюры...»).

Только данный текст (а не консолидированный вариант 'version consolidée') является подлинным 'authentique' и может использоваться официально.

Невозможность проведения языка по данной модели в связи с отсутствием у него денотата показывает его радикальное отличие от вербализуемых им общественных установлений.

Еще одной необходимой составляющей правового дискурса является **юридическое толкование** готового письменного текста получателем, которое отличается от лингвистического **истолкования**, чтения текста и обыденного восприятия дискурса реципиентами. Особенности толкования необходимой составляющей правового дискурса посвящена третья глава «**Толкование и рукотворное конструирование дискурса в свете синергетики (взаимопроникновения и взаимодействия) дискурсов, текстов, наук и искусств**».

Толкование является неотъемлемой частью работы юриста с текстом и над текстом и даже до некоторой степени – необходимой составляющей юридического текста. Кроме толкования по букве и духу, во французском праве представлены следующие типы: *juridique* 'юридический', *ordinaire* 'обычный', *intrinsèque* 'внутренний', *exégétique* 'экзегетический', *grammaticale* 'грамматический', *stricte* 'строгий', *jurisprudentielle* 'основанный на судебной практике'; *extrinsèque* 'внешний', *herméneutique* 'герменевтический', *systémique* 'системный', *libre* 'свободный', *évolutive* 'эволютивный'. Французские юристы широко пользуются тем, что письменный текст «слабый», несет множество смыслов и обладает модальностью. Юридическое толкование писаного права могло и может уводить смыслы в стороны, далекие от объективной лингвистической реальности правового дискурса, в том числе, и в невербализованную сферу.

Изучение истории методологии показывает, как развивалось право, а сравнение с языком – как лингвистика повторяла этот путь или прокладывала новый. Примером этого служат экзегетический подход и Школа экзегетики, описанная в разделах **3.1. «Экзегетический подход к пропозициональности правового текста».** **3.1.1.«Основные черты школы экзегетики**

(юридической школы толкования)». Изучение Школы экзегетики помогает установить, что Курс общей лингвистики предстает как применение (рецепция) идей школы к языку, за этим последовала «рецепция» идей Ф. де Соссюра в современном языкознании и в других науках (Г.Кельзеном – в праве). Понятие «рецепции» используется часто: теперь юристы говорят о «рецепции» права Европейского союза, лингвисты – о заимствованиях.

Если экзегетика – это вид толкования, нацеленный на текст («букву» и «пропозицию»), то герменевтика является толкованием «духа», связанным с модальностью, невербализованностью и выходом в другие пространства. Герменевтический подход представлен в разделе **3.2.«Герменевтический подход к правовому дискурсу (письменному тексту)»**. Для данного исследования особое значение имеет описанная в параграфе 3.2.1. **Юридическая герменевтика**, ибо именно толкование закона (писаного текста) превращается в решение судьи, доводы адвоката или прокурора, а в древности и само толкование записывалось в качестве закона (Законы Драконта). Герменевтика занимается восстановлением нарушенного согласия не только между разными текстами, но и согласия между текстом и действительностью, между изменившейся т.Д2 и оставшимся без изменения концептом – в описанном выше треугольнике. В этом состоит общая стратегия толкования. При герменевтическом толковании следует учитывать (в отличие от экзегетики) невербализованную часть правового пространства и ее корреляцию с культурными компонентами. Эта проблема раскрывается в разделе **3.2.2.«Невербализованность правового дискурса (концепта) как неизбежная составляющая правовой конструкции»**. Для юридического французского языка особый интерес представляют **3.2.2.1.Нормативная модальность и непереводимость**. Потенциально любой письменный текст (а тем более нормативный) может обладать логической, философской, юридической и лингвистической полисемантической. Помимо многозначности содержания, юридический текст несет дополнительные смыслы, которые возникают за пределами пропозиции и позволяют ему быть регулятором на основе принятых параметров, что можно считать нормативной модальностью. Нормативная модальность проявляется в юридическом рассуждении – юридической технике в действии. На примере применения нормы к юридическому факту (при субсумировании) показано, что, работая с фактами действительности, юрист не может ограничиться общими понятиями и концептами и всегда стремится понять конкретное значение на основе юридических технологий: квалификации, систематизации, классификации и др.

Модальность нормативного дискурса представляет собой отдельный случай невербализованности. Такое положение связано с тем, что каждое новое толкование пропозиции (как вербализации нормы), приводит к новым правовым последствиям (хотя и в определенных пределах) в связи с применением к новому факту и создает новый дискурс. Приведем конкретные примеры:

1. Предложение, не имеющее логико-грамматических признаков нормы (гипотезы, диспозиции, санкции), употребленное в нормативном документе, тексте, акте, «актуализируется», обозначает предписание под влиянием системности в рамках отрасли (подотрасли) права. Это подтверждается статьей 1 ЕКПЧ на русском и французском языках: «Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции; *Les Hautes Parties contractantes reconnaissent à toute personne relevant de leur juridiction les droits et libertés définis au titre I de la présente Convention*». Данная статья означает, что государства, подписавшие ЕКПЧ, обязаны защищать демократию в своих странах, она служит большой посылкой силлогизма.

2. Отношение говорящего к высказыванию проявляется не только в грамматическом выражении волеизъявления, но и в демонстрации того, что утверждение исходит не от него.

В языке журналистов на французском языке условное наклонение *conditionnel* (так называемый *conditionnel de la presse*) употребляется, когда журналист показывает, что новость утверждает не он, что он ссылается на какой-либо источник. Это же значение сочетается и с неуверенностью в достоверности сообщаемого. На русском языке в этих случаях используются ссылки: «как стало известно», «как сообщается» и т.д. Указанное явление находит подтверждение в оформлении судебных решений: когда суд излагает в мотивировочной части не свою точку зрения, используется *conditionnel*, особенно в рубрике *Arguments des parties (Доводы сторон)*. Данное правило строго соблюдается в решениях судов Франции, ЕСПЧ, Суде ЕС и т.д., что свидетельствует об объективном грамматическом признаке. То, что Суд излагает не свою позицию, усилено названием рубрики. Например, в Суде (общей юрисдикции) ЕС, в деле T-68/08 в рубрике «Доводы сторон» читаем: *60. la Commission aurait méconnu son obligation de vérification détaillée de la compatibilité des mesures du Royaume-Uni avec le droit communautaire, circonstance qui l'aurait amenée à ne pas motiver la décision attaquée*. В переводе на русский язык следует добавить выражение: **по словам стороны, Комиссия проигнорировала свою обязанность детальной проверки совместимости мер, принятых Великобританией, с коммунитарным правом, по этой причине, по утверждению стороны, Комиссия не мотивировала соответственно обжалуемое решение ...**

Работа с фактами действительности осуществляется в суде, который применяет норму. Именно в этот момент проявляется асимметрия между обобщенностью нормы, выраженной в форме *générale et abstraite (общей и абстрактной)*, и конкретностью факта. Этот момент (применения нормы к конкретному факту - *fait*) юристы считают познанием действительности и жизнью нормы. Как интерпретировать лингвистически данную ситуацию? Текст нормы (пропозиция) остается неизменным. Вариативность смысла в зависимости от факта экстраполируется на принимаемое решение, именно оно будет каждый раз иным, потому что норма в отношении нового факта приводит

к иным последствиям. Судебное решение становится, таким образом, институтом влияний, взаимодействий текстов, дискурсов, высказываний.

На основе модели интертекстуальности, созданной И.В.Арнольд в применении к художественной литературе, с учетом концепции диалогизма М.М.Бахтина и некоторых положений герменевтики, можно описать ее параметры, которые в принципе характеризуют любое судебное решение, являющееся текстом, отражающим взаимодействие дискурсов (на примере судебного постановления по делу *Lehideux et Isorni* с. France в ЕСПЧ от 23 сентября 1998 г.). Таковыми являются кодовые и текстовые включения и их узнаваемость, внешняя и внутренняя интертекстуальность, источники и место включений: *devant la Cour Européenne des droits de l'homme* 'в ЕСПЧ', *requête* 'заявление', *légitimité de la révision* 'законность пересмотра', *controverse historique* 'исторический спор', *nécessaire dans une société démocratique* 'необходимое в демократическом обществе', *une fois n'est pas coutume* 'один раз не считается'). Такие параметры данной модели, как функции включений, сопоставимость контекстов, трансформируемость цитат и жанровые различия кажутся оригинальными и трудно выделяемыми в художественном произведении. В отличие от художественного текста, в котором включения могут усиливать экспрессивность, стилистическую окрашенность, официально-деловой стиль правового дискурса должен оставаться относительно нейтральным, а включения предназначены для усиления мотивированности и убедительности, обоснованности, содержательной информативности текста, восполнения невербализованности, эффективности. При принятии решения Суд сопоставляет контексты, в частности, текстов, отражающих обстоятельства дела, с контекстами, касающимися вопросов права. Цитаты могут быть фрагментарными, скрытыми или представленными в виде реминисценций.

Указанную полифоничность смыслов проявляет и художественный текст (ирония, юмор, анекдоты, поговорки и т.д.), где есть интертекстуальность, игра слов, полисемия и т.д. Однако полифоничность юридических текстов с их институциональностью и упорядоченностью находится в строго определенных предсказуемых рамках парадигмы и более наглядна и убедительна, в отличие от рассеянного общелитературного языка. В этом смысле право является весьма иллюстративным, показывая происходящие семантические процессы.

Герменевтический подход оказывается неизбежным при переводе, при толковании юридических текстов. (Вопросы герменевтики теологии, несмотря на некоторое сходство, связанное с наличием целеполагания, в данном случае не рассматриваются). Что такое эквивалентность переведенного текста, по мнению юриста и по мнению переводчика? Точная ли он копия по всем параметрам: по форме, содержанию, значению, смыслу, связи его элементов? В международных правовых актах эквивалентность утверждается конвенционально формулировкой: *les deux versions faisant également foi* 'обе версии являются равно аутентичными'. Подобно тому, как слово актуализируется в контексте (Ш.Балли), так и «текст» «актуализируется» при применении к конкретному

юридическому факту (не к голой действительности, а к квалифицируемому факту), действуя в качестве нормы.

Именно поэтому суд *dit le droit* (*говорит право*), когда он провозглашает смысл (модальный) нормы по отношению к конкретному случаю, а переводчик *dit le texte* (*говорит текст*), т.е. вербализует норму, подтверждая взаимоисключающие ипостаси (Gémar). Выражение *dire le droit* 'говорит право' в суде приобретает особое (модальное) значение – судебное толкование нормы. Поскольку в свете изложенного следует вывод, что норма – это не текст, возникает дилемма, считать ли *право (как регулятор) системой норм или только системой нормативных текстов*. Так как главное – применение норм (вместе с их модальностью), право – это система норм. Это подтверждает необходимость изучения правового дискурса вместе с толкованием.

К данной теме примыкает проблема репрезентации правового знания, невербализованности. На толковании невербализованных пространств специализируется герменевтика. В этом смысле интересен опыт толкования Гражданского кодекса А.-J.Arnaud, который описан в разделе **3.2.2.2. Структуральный анализ невербализованного пространства ГК Франции как иллюстрация описания невербализованности в праве.**

Хотя материальная линейность речи и языка признается исследователями как неизменная объективная данность, на практике она часто сознательно преодолевается: полисемией, толкованием, переводом линейности в объемность, из одного пространства в другое (прямым влиянием права на язык). Этот вывод представлен в разделе **3.2.2.3. Юридическое толкование – институционализируемая форма конструирования правового дискурса.** В лингвистическом анализе следует учитывать феномен толкования, так как юридическое толкование писаных актов может уводить смыслы в стороны, далекие от объективной лингвистической реальности, от их «правильности». Исследование нормативной модальности подтверждает, что формальным отличием правового дискурса от художественного текста является его институциональность (даже в толковании), примеры чего показаны в Приложении В. Среди разных методов толкования правового дискурса особый интерес как с правовой, так и с лингвистической точек зрения представляет запрос в преюдициальном порядке в Суде ЕС. Он фактически является институционализированной формой конструирования нового правового дискурса на основе права разных стран и даже на разных языках и в какой-то степени перекликается с прецедентным (преторским) правом, создавая смешанную концептуально-дискурсивную парадигму права ЕС.

3.3. «Кодификация как взаимодействие письменных текстов». Кроме толкования, одна из форм обработки правового дискурса в российской правовой науке называется *систематизацией законодательства*. Среди разных способов компиляции юридических текстов российские юристы различают *инкорпорацию, консолидацию и кодификацию*.

J.-L.Bergel (С.324) представляет *la codification à droit constant* (*кодификацию с неизменным правом*) как упорядочение существующих норм

(без создания новых); *consolidation* (консолидацию) – как упорядочение, предназначенное для закрепления в законодательстве решений судебной практики, и как распределение норм по темам и рубрикам. Различая представленные понятия, Ж.-Л.Бержель опирается на те же критерии, что и российские юристы, но слова *incorporation* (инкорпорация) он не использует. По отношению к европейскому праву в словаре [Cornu, 2009, 166, 220, 783] представлены 3 термина: 1) *codification des textes législatifs* (кодификация законодательных актов), которая определяется как «чисто формальная» и заключается в объединении в одном акте основополагающего и изменяющих его актов путем опубликования нового акта и отмены всех остальных. Данная операция не предусматривает никаких существенных изменений (*exclusive de toute modification de fond*), она противопоставляется полной официальной переработке акта (*refonte des textes législatifs*), а также консолидации (*consolidation*). Основное отличие «кодификации» от «консолидации» заключается в том, что при кодификации по существу создаются новые акты, она в этом случае называется официальной и учредительной (*officielle et constitutive*).

В кодификации права ЕС важной является проблема *acquis communautaire* 'наработки коммунитарного права'. Субстантивированное причастие от глагола *acquérir* 'приобретать' имеет в общелитературном языке значения «достижения, наработки, приобретения» (*les acquis de la révolution – достижения революции*). Данным термином обозначается набор основополагающих текстов ЕС, он употребляется в других сферах (*acquis Schengen*) и как калька на русском языке.

В четвертой главе «**Эпистемологические принципы изучения французского языка – вербализатора правового знания как основа сравнения институтов (языка и права)**» на основе теоретических положений, подходов, принципов, изложенных в предыдущих главах, приводится практический материал, касающийся современного французского языка права Франции и Европейского союза, дискурс «отдела знания» западноевропейской эпистемы.

Сравнение с другими регуляторами или общественными установлениями показывает, что язык сам ничего не создает, что концепты, понятия возникают в рамках институтов, когнитивной деятельности человека. *Langage* – материальное бытие дискурса, форма и механизм существования, передачи и хранения, вербализации и репрезентации знаний. Накопление информации приводит к тому, что, благодаря разным видам взаимодействия, появляются разные по глубине, дискретности и по степени упорядоченности пространства, репрезентируемые языком.

В разделе **4.1. «Рассеянность естественного (общелитературного) французского языка и упорядоченность правового дискурса»** показана зависимость (вторичность) рассеянного языка от упорядоченного. Изучение упорядоченности французского правового дискурса по отношению к рассеянному приводит к выводу о том, что язык специальности является

первичным по отношению к производному (в результате толкования) общелитературному языку, хотя существование естественного языка заставляет думать об обратном.

Грамматические ассоциативные связи не всегда коррелируют с юридическими. Здесь полного соответствия нет. Однако часто именно при описании правоотношений языковые оппозиции предстают в наиболее полном виде: *constituer* 'устанавливать', *instituer* 'учреждать', *destituer* 'снимать с должности', *restituer* 'возвращать'. Преодоление рассеянности может происходить и с помощью грамматического упорядочения (глагольная форма *Plus que parfait* 'давно прошедшее' – частный случай преодоления рассеянности и линейности, чтобы соответствовать действительности).

В разделе **4.1.1. «Принцип размежевания терминов во французском языке. Вариативность вокабул регулирования в современных сферах знания»** представлена группа французских глаголов, выражающих регулирование, управление в разных сферах и демонстрирующих регулярные соответствия: *régir*, *réglementer* (в праве), *réguler* (в философии, экономике), *gérer* (в менеджменте), *gouverner*, *diriger* (в политике), *administrer* (в правосудии), *conduire* (в транспорте), *encadrer* (ситуацию) и др. Все они формируют концептуальный смысл регулирования и демонстрируют размежевание по сферам терминологических значений глаголов.

В разделе **4.1.2. «Юридический французский язык как вербализатор методологического ядра права. Конгруэнтность французского языка»** говорится, что каждый отдел знания строится вокруг методологического ядра, о котором в «Риторике» [Античные риторика, 1978, 39] писал Аристотель. Так же и право, в дискурсе которого различаются прямой (первичный) дискурс и метадискурс (вторичный дискурс). Оппозиция первичности/вторичности выстраивается как на уровне терминов, вокабул и концептов, так и на уровне завершенных дискурсов: *oeil pour oeil*, *dent pour dent* (око за око, зуб за зуб)/ *droit du talion* (право талиона). Основными понятиями методологического ядра (континентального) права являются: *регулирование*, *правоотношение*, *установление*, *законность*, *нормативность*, *юридичность*. Они могут служить параметрами для описания французского языка как вербализатора права.

Сравнение отраслей права можно производить по их методологическим ядрам, а они выстраиваются вокруг основных положений (топики), регулирующих правоотношения.

Что касается методологического ядра языка, у которого не создается ни собственного пространства, ни топики, то мы увидим лишь словесность, грамматику, риторику, т.е. механизмы языка, но не его содержание. В этом заключается отличие языка от любого другого общественного установления, он может быть признан общественным установлением только по целям своего существования и функциям (вербализации и коммуникации).

В разделе **4.1.3. «Упорядоченность правового дискурса как регулятора. Методологическое ядро права концептуальной системы права Франции»** описана юридическая техника (*la technique juridique*), т.е.

искусство правового регулирования, которая распадается на 3 части: 1. *терминология*; 2. *инструменты, приемы, механизмы правового регулирования (outils)*; 3. *юридическое рассуждение (raisonnement juridique)*. При вербализации язык выступает не столько как самостоятельно значимая величина (терминология), сколько как неотъемлемая часть всех составляющих юридической техники. В этом заключается отличие языка в функции вербализатора от терминологии как части юридической техники.

В разделе **4.1.3.1. Терминология (принцип размежевания терминов)** представлены термины, которые могут быть вокабулами общелитературного языка и актуализироваться в правовом дискурсе (или быть оригинальными: *comourants – коморюенты*). Они обладают многозначностью: *actions* – иски, мероприятия, акции; *avocat général* – генеральный адвокат (ЕС) и помощник генерального прокурора (Франция); термины *homicide volontaire, involontaire* ‘умышленное/неумышленное убийство’ заменяют вокабулы общелитературного языка *assassinat/meurtre*. Вокабулы *national, public, d’État*, кажущиеся синонимами в естественном языке, которые можно перевести как «государственный», в праве таковыми не являются: разные значения *national, public, d’État* можно объяснить, обратившись к ассоциативным связям этих слов с *État-nation* ‘государство-нация’, *res publica* ‘общая вещь’.

Метод различения терминов заключается в том, чтобы соотносить их с разными отраслями права, с системами. Трудности возникают из-за того, что в общелитературном языке и в обыденной картине мира четко распределенные по отраслям термины становятся рассеянными, универсальными, общеправовыми и могут переходить из одной сферы в другую. Именно поэтому установление первичного и производного смыслов приобретает в этом случае важное значение и становится **принципом различения**, например, *règlements* ‘регламенты’, *directives* ‘директивы’ права ЕС нельзя назвать терминами права Франции *textes légaux, législatifs* – законодательными актами.

В разделе **4.1.3.2. Инструменты и технологии правового регулирования** представлены средства правового регулирования – *outils et techniques juridiques* ‘юридические технологии’. Термин «средства правовой защиты» (основное понятие, которым оперируют юристы) имеет 2 значения на русском языке, соответствующие на французском языке *voies de recours* (инстанции) и *moyens de défense* (правовые основания). Среди «инструментов» (*outils*) *юридической техники и технологий правового регулирования* следует назвать: концепт (*concept*), дефиниции (*définitions*), категории (*catégories*), классификации (*classifications*), правовые институты (*institutions juridiques*), правопорядки (*ordres juridiques*), квалификации (*qualifications*), представительства (*représentations*), замены (*substitutions*), делегирования (полномочий) (*délégation*), отступление (от нормы) (*dérogação*), отмену (*abrogation*), продление (*prorogation*). Используемые в лингвистике понятия концептов, категорий, системы отличаются от правовых, например, концепт общелитературного языка отражает его рассеянность, концепт права – его упорядоченность, принадлежность концептуальной системе. Все эти средства

приводятся в движение **юридическим рассуждением** – *raisonnement juridique*, которое описано в разделе **4.1.3.3. Юридическое рассуждение – необходимая составляющая юридической техники.**

Правовое рассуждение основано на оппозициях, относящихся к разным сферам. Французские термины в оппозиции единственного/множественного числа: *le raisonnement juridique / les raisonnements juridiques* показывают процессуальность, действие механизмов рассуждения и их названия.

Кроме **фикции** и **формализма** (*fictions, formalisme, acte solennel*), которые характеризуют все правовые системы, среди типов юридического рассуждения **презюмция** (**présomption**) (*презюмирование*), **prescription** (*предписание*) и **субсумирование** (*subsumption* - от глагола *subsumer* – *подразумевать, подводит под...*) обозначают юридическую работу с фактами – главный прием юридического рассуждения, применения нормы к факту.

В данном разделе вербализованы основополагающие элементы юридической техники, за исключением юридической документации и стилистики дискурса. Многие из них используются не только в континентальном праве, но и в международном, а также в праве ЕС.

В разделе **4.2.«Французский язык когнитивно-дискурсивной парадигмы прямого дискурса, методологического ядра внутреннего права Франции (установления, принципы, дозволения, обязывания, запрет)»** представлены языковые формы выражения основных элементов парадигмы права Франции: **установления** с помощью глаголов *instituer, constituer, établir* ‘*учреждать, составлять, устанавливать*’; безличной конструкции в пассивной форме: *Il est institué une citoyenneté de l’Union* ‘*Устанавливается гражданство Союза*’; конструкцией *faire l’objet de* ‘*быть объектом*’ (*Les époux font l’objet d’impositions distinctes. Супруги подпадают под разное налогообложение*’); **дозволения** с помощью глагола *pouvoir* ‘*мочь*’ (*Le contribuable peut réclamer une imposition distincte* ‘*Налогоплательщик может потребовать отдельного налогообложения*’), который обозначает вид действия и в этом смысле сходен с английским глаголом *may*; глагол *autoriser* показывает дозволение, исходящее от властного органа, глагол *pouvoir* показывает дозволение лицу; **обязывания**, во французском языке идея долженствования, обязывания выражается глаголами и глагольными конструкциями: *devoir, entraîner, donner lieu à, être soumis à, être imposable, faire l’objet de, être assujetti à* ‘*долженствовать, влечь, приводит к, подпадать под, облагаться (налогом), быть объектом, подчиняться*’. В Конституции Франции идея долженствования, обязывания выражается разными способами: *Le Conseil constitutionnel doit statuer* ‘*Конституционный совет должен постановить*’. *Les décisions du Conseil constitutionnel s’imposent aux pouvoirs publics. Решения Конституционного совета являются обязательными для государственных органов власти*’. Если обязанность предусмотрена законом или договором, то используется конструкция: *être tenu de* (*быть обязанным*), которую следует отличать от *être obligé de* – *быть вынужденным*; **запрет** – во французском языке типичной формой запрета являются конструкция: *Nul ne peut* (*Никто не*

может) и глагол *pouvoir* (мочь в значении дозволения) в отрицательной форме: *L'Assemblée Nationale ne peut être dissoute*. По сравнению с Конституцией РФ в Конституции Франции запретов мало, и они выражены глаголом *pouvoir* в отрицательной форме: *Nul ne peut être arbitrairement détenu*. 'Никто не может быть произвольно задержан', а не глаголом *interdire* 'запрещать.' Таким образом, формируется оппозиция: *Chacun peut/ Nul ne peut*. 'Каждый может / Никто не может'.

Раздел 4.3. «**Метадискурс доктрины и науки права: нормативность, системность, преемственность, эффективность**» посвящен средствам выражения основополагающих элементов права. Юридическая норма как "условное веление", по выражению Н.М.Коркунова, имеет трехзвенную структуру и состоит из **гипотезы** - указания на условия, при которых возникают права и обязанности; **диспозиции** - указания на сами права и обязанности и **санкции** - указания на неблагоприятные последствия, наступающие при нарушении нормы. В русском языке эта модель имеет структуру: "если..., то..., а в противном случае (иначе)". Во французском языке гипотеза вводится с помощью: 1) придаточного предложения, начинающегося с союза *Lorsque...*, отграниченного от главного предложения запятой (главное – не переводить союз *lorsque*, если он вводит гипотезу, союзом "когда"): *Lorsque, à l'occasion d'une instance en cours devant une juridiction, il est soutenu que...* 'Если в связи с судебным процессом утверждается, что...'. В предписывающих высказываниях *lorsque* эквивалентно союзу «если»..., а не союзу «когда», как это представлено в словарях. Но даже и «когда» может иметь на русском языке значение гипотезы «если», например, «Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет».

Гипотеза вводится также с помощью придаточного предложения, начинающегося со слова *Quiconque (celui qui – тот, кто)* плюс глагол-сказуемое: *Quiconque aura sciemment omis de fournir des renseignements exacts sera passible de l'amende prévue au p.1* 'Тот, кто сознательно не предоставит точных сведений, подвергнется штрафу, предусмотренному в п.1'; определительного придаточного предложения, вводимого с помощью *qui (который)*: *L'agent public qui estime qu'on lui demande d'agir d'une manière illégale... doit le signaler conformément à la loi* 'Гражданский служащий, который полагает, что от него требуют незаконных действий, должен об этом информировать в соответствии с законодательством'. Это – по существу та же конструкция, что и в предыдущем случае. Сравним: *agent public qui – celui qui* (в этих случаях синтаксическая структура в русском языке начинается с «если»). Гипотеза выражается также с помощью свернутой предложной формы *en cas de* 'в случае' плюс существительное: *en cas de décès* 'в случае смерти', *en cas de dissimulation* 'в случае сокрытия'.

Гипотезу нормы следует отличать от простого условия в предложениях, вводимых во французском языке с помощью союза *si*.

Системность (в праве) – более жесткое явление, отличающееся от системности французского языка, ибо под правом понимается его

концептуальная система со всеми его особенностями как регулятора. Мы должны толковать правовые явления, исходя из правовой системы, исходя из отрасли как подсистемы, из системы права, отличающейся от любой другой, и правопорядка. Закрытость системы определяет ее терминологизацию.

В рассеянном языке присутствуют вокабулы **прямого (первичного) дискурса и метадискурса**. Предлагаемый в Учебнике по политическому переводу В.Г.Гака, Б.Б.Григорьева перевод-объяснение слов: *légal* – «подчиняющийся действующим законам», *légitime* – «соответствующий закону, справедливости» (С. 274) был бы более эффективным, если бы объяснение делалось на основе правовых различий. Например, *texte légal* – это не *текст*, «подчиняющийся действующим законам», а *законодательный акт* или *закон*. В праве прилагательное *légal* показывает, что *акт принят соответствующим законодательным органом*, а слово *texte* – что это *писанный правовой акт*. Подтверждением этому служит выражение: *textes légaux et réglementaires* – *законодательные акты и акты исполнительной власти*.

Слово *réglementaires* представляет большие трудности для перевода, так как трудно вербализовать противопоставление между *pouvoir législatif* и *réglementaire*, т.е. *правом принимать законы* и *правом исполнительной власти принимать нормативные акты*, что подтверждается статьями 21, 34, 37 Конституции Франции. Выражение *texte légal* часто используется в значении «закон» на французском языке, здесь отражена тенденция создания термина путем прибавления уточняющего прилагательного к существительному общего смысла. Такие случаи использования прилагательного для терминологизации довольно часты во французском языке, что можно вывести в качестве принципа, обратив внимание также на то, что предназначение прилагательного в правовом дискурсе – нести информацию, а не обозначать качество. Так, прилагательное *important* в юридическом тексте скорее всего будет иметь количественное значение «крупный», но не «важный». Некоторые вокабулы-метадискурсы используются и в прямом дискурсе.

Поиск эффективности в праве продолжается. Французский язык различает значения: *действительный, имеющий место быть (effectif)* и *эффективный (efficace)*¹, отраженные в выражениях со словом *effet*: *à effet 'с вступлением в силу'*, *effet suspensif 'приостанавливающее действие'*, *prendre effet 'вступить в силу'*. Оппозиция *effectif/efficace* четко маркирует указанные различия. Однако в международных документах (например, в ЕКПЧ), под влиянием английского языка, где в слове *effective* совмещены оба значения, на русском языке используется прилагательное *эффективный*, на французском языке – *effectif*. В названиях статьи 13 ЕКПЧ на английском, французском и русском языках формально употреблена одна и та же вокабула, несущая разные смыслы: *Right to an effective remedy – Droit à un recours effectif – Право на эффективное средство правовой защиты*.

¹ В экономических текстах используется вокабула *efficient* (*cause efficiente* – *действующая причина*), ср. *coefficient*.

Стремлением к достижению эффективности дискурса (точности и недвузначности выражений) можно объяснить наличие его избыточности: *La poursuite du processus de révision du TCE 'дальнейшее продолжение процесса пересмотра Договора о ЕС', Le déroulement probable des concertations 'вероятное проведение процедур согласований'* и т.д. Избыточность значения действия создается сочетанием отглагольных существительных с именами, обозначающими действие – в первом примере.

Под влиянием интеграционного права ЕС французский язык приобретает черты, которые характеризуют дискурс всего правового порядка в целом, находясь под влиянием рукотворности, требований перевода и политики (Приложение Г). Анализ в разделе **4.4. «Французский язык как вербализатор права Европейского союза (лингвоюридический аспект)»** проводился на основе сравнения исходных принципов, применяемых к дискурсу внутреннего права Франции и права ЕС, и признания отличия французского языка права ЕС от французского языка права Франции. Язык отдела знания развивается вместе со знанием, что должно учитываться при его изучении. Представленные ниже характеристики могут служить принципами для изучения французского языка права ЕС:

1. Лексикологические классификации основываются на юридических классификациях. На основе сравнения национального права Франции с правом ЕС можно построить терминологические классификации: общеправовых терминов, терминов права ЕС, внутреннего права Франции, политики ЕС, в отличие от общелитературного языка.

Правовой дискурс классифицируется также на основе различия первичного (источников права) и вторичного дискурсов (метадискурса). Первичный дискурс нормативных актов ЕС – упорядоченный язык. Он включает следующие пласты: общелитературный язык, терминологию права ЕС, общеправовые термины и универсалии, а также внутреннее право Франции (или любое другое право, которое будет упоминаться). Понятия первичный/вторичный относятся к общелитературному языку и не имеют в этом случае терминологического значения, в отличие от *droit primaire* 'первичное право'/*droit dérivé de l'UE* 'вторичное право ЕС'.

2. Размежевание дискурсов права МП, ЕС и Франции рукотворно установлено юристами на основе сфер регулирования и многих формальных признаков (источники права, судебная практика, нормативность и др. элементов методологического ядра).

3. В каждом правовом порядке формируется язык права (*langage du droit*), который подразделяется на языки (*langages*) законодательства, судебной практики, договоров, обычного права и администрации. В ЕС различают *droit primaire* (первичное право учредительных договоров) и *droit dérivé* (вторичное право – регламенты, директивы и т.д.). Политика сознательного, рукотворного и преднамеренного разведения дискурсов права ЕС, МП и национального права государств-членов: неиспользование (когда это возможно) по отношению к праву ЕС терминов, имеющих отношение к

государству: вместо *pouvoirs* (полномочия) используется вокабула *compétences* (компетенции), вместо *amendes* (штрафы) – *sanctions fiscales* (налоговые санкции), вместо *loi* (закон) *règlement* (регламент) и т.д.

4. Эволютивность дискурса. Благодаря судебной практике и политическим процессам в ЕС: *spill over effect* (эффект перелива), *effet d'engrenage* (эффект зацепления) и *effet de cliquet* (эффект защелки), право ЕС и его дискурс быстро эволюционировали (появление неологизмов *flexicurité*, *brexit* и т.д.).

5. Заимствования. В отличие от описываемых в языкознании случаев заимствований в результате языковых контактов, в праве ЕС происходят заимствования процедур, средств правового регулирования, принципов, а вместе с ними – и терминов или даже дискурсов (с последующими адаптациями к новой правовой системе на широкой правовой основе): принцип субсидиарности заимствован из права Франции, принцип пропорциональности – из немецкого права.

7. Системность в праве более строго соблюдается, чем в языке. Она имеет определяющее значение в качестве контекста и актуализатора термина и дискурса (нормы), являясь неотъемлемой составляющей упорядоченности. При этом следует отметить, что жесткость упорядоченности приобретает гибкость благодаря институту, отражающему «массив норм» и объединяющему разные сферы регулирования.

8. Рукотворность создания дискурса права ЕС обеспечивается с помощью легистики (законодательной техники) и проявляется, в частности, при переводе. В ЕС издаются руководства по составлению законодательных актов. Среди предусмотренных требований имеются рекомендации, например, изменить содержание документа при возникновении проблемы непереводимости. Это означает, что при анализе правового акта лингвист должен учитывать, что акт представляет собой результат выполнения предусмотренных легистикой требований (которые касаются также редактирования и перевода). Во Франции издаются циркуляры по легистике. На смысл правового дискурса, как показано в третьей главе и Приложении В, призвано также влиять толкование. Государства-члены осознают, что в праве ЕС перевод играет важную роль в создании правового дискурса, ибо через него оказывается влияние на дискурс, поэтому они требуют использования не традиционного понятия *traduction*, а понятия *transposition* (в переводе «транспозиция», в праве – «имплементация»).

9. Взаимодействие строго упорядоченных источников права с рассеивающимися регистрами (профессиональный жаргон, метадискурсы и т.д.) идет в сторону упрощения. Например, юристы неофициально используют упрощенные названия *Европейская конвенция* или сокращения *ЕКПЧ*, хотя они не являются официальными названиями, вместо *la Cour de justice de l'UE* 'Суд ЕС' – '*la Cour*'.

10. Иерархия. Установление иерархии неизбежно в правовом дискурсе, если признать правовую конструкцию пирамидой. Юристы ее используют для

различия родовых и видовых понятий, систем, принципов, норм, обеспечивая функционирование конструкций. Иерархичность влияет на степень размывания упорядоченности дискурса. Проблема иерархии является значимой для юридического и лингвистического анализов (иерархичность судебной системы Франции и горизонтальность отношений между Судом ЕС и национальными судами влияют на язык, определяя смысловую или институциональную подчиненность или ее отсутствие). Например, Суд ЕС толкует (преюдициальные) вопросы национальных судов только по отношению к праву ЕС, в случае необходимости даже переформулируя их.

Особенность вербализации права ЕС заключается в том, что оно создает свою собственную конструкцию, собственный дискурс, отличающийся от дискурса национальных правовых порядков государств-членов, предназначенный для того, чтобы интегрироваться юридически и лингвистически в чужие пространства (научную и обыденную картины мира). Возникновение ЕС привело к созданию новых оппозиций (европейский/национальный, *langue officielle/langue nationale*). Работа юристов-лингвистов и правоведов заключается в том, чтобы встроить эту искусственно создаваемую конструкцию права ЕС в культуру каждого государства-члена. Параллельно стоит юрилингвистическая задача создания такого дискурса, чтобы он был понятен неспециалистам и мог быть переведен на официальные языки ЕС.

Дискурс права ЕС испытывает герменевтические трудности, так как он лишен естественной основы, соответствующей многовековой культуры, ибо чтобы выстроить правовую конструкцию, рукотворности недостаточно, нужна правовая традиция (и «тонкая пленка цивилизации»), необходима эффективность, похожая на обычное право. Отсюда – постоянная неудовлетворенность дискурсом ЕС как со стороны специалистов, так и пользователей. Для одних он недостаточно специализирован, для других слишком герметичен. В этом случае только лингвистический анализ недостаточен, правовая составляющая является его необходимой частью.

Французский язык выполняет функцию вербализации благодаря его гибкости, обеспечиваемой параметрами лингвистической техники. Взгляд на французский язык с позиции внутреннего права Франции и права ЕС позволил выявить упорядоченность, рассеянность, преемственность, эволютивность, открытую системность дискурса, а также значимые лексико-грамматические характеристики языка в конкретных правовых сферах. Помимо указанных выше приемов вербализации методологического ядра права, в основе принципов и методологии сравнения общественных установлений и общей концепции французского языка континентального права в разделе **4.5. «Лингвистическая техника французского языка как вербализатора упорядоченного правового дискурса»** выведены следующие параметры:

1. Терминологизация глаголов: *disposer/stipuler* (гласить, стипулировать).
2. Грамматикализация правоотношений типа: активное лицо/лицо, на которое направлено действие: *mander/mandant/mandataire* (*поручать/*

доверитель/поверенный) предоставила возможность понять значение суффикса –aire в *bénéficiaire* (бенефициар), *dépositaire* (депозитарий).

3.Грамматическое различие общего/частного: *la loi/une loi/la Loi*, (законодательство/ отдельный закон/ Конституция), *le pouvoir/les pouvoirs* (власть/ветви власти).

4.Обогащение словаря за счет формулы гнезда слова и его стереотипных связей (глагол – отглагольное существительное – существительное, обозначающее результат действия): *produire – production – produit* (производит – производство – продукт).

5.Переходность значений, связанная с организацией правового знания: действие/результат/орган *juridiction; convention* (юрисдикция, суд; соглашение, конвент); действие/состояние *raisonnement/raison* (рассуждение, разум), *manquement/manque* (неисполнение, нехватка); конкретность/абстрактность *personne juridique/personnalité juridique* (субъект права, правосубъектность); материальность/виртуальность *expiration* (выдыхание / истечение срока).

6.Несобственная деривация *client/fournisseur* (заказчик, поставщик).

7.Одушевленность/неодушевленность *conseil, caution, déni de justice* (консультант, поручитель, лицо, которому отказано в правосудии).

8.Аффиксальные оппозиции особенно заметные в правовом дискурсе *abroger, déroger, proroger, subroger* (отменять, отступить, продлевать, заменять).

9.Положительное/отрицательное: *obligations positives (de faire)/négatives (de ne pas faire)* (позитивное обязательство – действие, отрицательное обязательство – бездействие); средства выражения отрицания: *ne pas faire, omettre, omission, s'abstenir, abstention, à défaut de, faute de, manque de* (бездействие, воздержаться, за неимением, за недостатком, нехватка).

10.Союзные и предложные конструкции, имеющие особые значения в праве: *eu égard à, en raison de, à cet égard, à cet effet, dès lors, à l'encontre de, sous réserve de, or* (в связи с, по причине, в этом отношении, в связи с этим, против кого-либо, с учетом, а ведь), особенно союз *lorsque*, который вводит диспозицию нормы в значении «если».

Эти немногочисленные правила-принципы рекомендуется включить в программу юридического французского языка, ибо они характеризуют большой массив правовых текстов.

К указанным лингвистическим правилам следует добавить оппозиции, которые характеризуют и язык, и право (с учетом их онтологической сущности): бессознательное/рукотворное, род/вид, одушевленность/неодушевленность, множественность/единичность, материальность/виртуальность, буква/дух, линейность/пирамидальность, положительное/отрицательное, действие/результат, абстрактность/конкретность, завершенность/незавершенность. Регулирующая функция права предопределяет его черты, отличающие его от языка: истинное/ложное/правдоподобие, юридичность, нормативность, законность, субъективность/объективность, рукотворность и др.

В **Заключении** обобщаются результаты проведенного исследования, сформулированы основные выводы и рекомендации, а также намечены дальнейшие пути развития данной проблематики и перспективы исследования.

В свете заявленной научной гипотезы данное исследование представляет собой опыт рассмотрения французского языка с позиции вербализуемого знания. Такой подход расширил рамки исследования и открыл новые параметры языка. Рассмотрение в диахронии этимологии института и генетической перспективы, а также учет парадигм правового знания (от частного к общему в период античности и от общего к частному в континентальном праве) влияет на когнитивно-дискурсивную парадигму языка. Рассмотрение в синхронии позволило создать (на примере принятия законов и их применения) модель дискурсивного пространства права, иллюстрирующую институциональное взаимодействие правовых дискурсов или текстов, в отличие от интертекстуальности, а также наглядно показывающую разные степени упорядоченности правового дискурса и рассеянности общелитературного языка.

Данное исследование представляет собой определенный вклад в описание юридического французского языка, его лингвистическая техника выведена на основе парадигмы права (иерархичности) и закрытой системности, а также юридических классификаций и рукотворно установленного юристами размежевания дискурсов права Франции, МП и ЕС; зависимость правового дискурса от политических установок достигается с помощью толкования – (иногда) в ущерб объективности лингвистического смысла; заимствования и трансляции знаний происходят в результате языковых и правовых контактов.

Язык можно описать с позиции любого отдела знания для представления его научной картины и выведения его конгруэнтности. Такой подход целесообразно применить и к другим языкам в комбинации: язык–знание. Основанный на контрасте упорядоченности и рассеянности, представленный анализ языка является весьма плодотворным не только для проведения классификаций и описания конкретных элементов лингвистической техники по конкретному знанию, но и для преподавания юридического французского языка как иностранного в связи с выведением принципов-параметров и установлением ассоциативных связей между знаниями и элементами языка и возможностью их объяснить.

Выполняя предъявляемые ему требования быть *ясным, конкретным и точным (clair, concis et précis)*, французский юридический язык рационально организован и подходит, по мнению М. Дрюона, к тому, чтобы быть «юридическим языком Европы» – арбитром в решении спорных случаев.

Приложения предназначены для более детального изложения некоторых положений исследования, а также для предоставления иллюстраций по смежной дисциплине – праву.

В **Приложении А** продемонстрирована институциональная роль риторики в формировании культурно-дискурсивной парадигмы права в период античности. Юридический взгляд на риторику дал возможность показать причины упадка риторики. На конкретном материале проиллюстрировано

состояние римского правового дискурса и отсутствие в нем таких юридических понятий, как системность, нормативность, источник права.

В **Приложении Б** проиллюстрирована роль рецепции римского права в качестве юридического феномена, оказавшего прямое влияние на правовой дискурс, в частности, на распространение книжной латыни, этимологических дублетов и терминологизацию.

Приложение В является конкретной иллюстрацией видов юридического толкования во внутреннем праве Франции, в международном праве (Венская конвенция) и в праве ЕС (запрос в преюдициальном порядке).

Описанное в **Приложении Г** взаимодействие языка и права имеет прямое отношение к рассматриваемой вербализации правового знания и представляет собой объяснение с точки зрения взаимодействия правовых систем зарождения и развития юрилингвистики.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии:

1. Рекош К.Х. Искусства словесности в период античности как предпосылки формирования западноевропейского правового дискурса. Монография. Изд. М.:МГИМО-Университет, 2017, 12 п.л. 190 с.

2. Рекош К.Х. Культурные корни французского языка в западноевропейской правовой ментальности. Монография. Изд. М.:МГИМО-Университет, 2017, 9,3 п.л. , 158 с.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

3. Рекош К.Х. Влияние толкования на правовой дискурс. Статья. ВЕСТНИК МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА №6 (21) 2011. Москва, с. 209-216.

4. Рекош К.Х. Когнитивный аспект дискурса позитивного права. Статья. Когнитивные исследования языка. Вып.Х1, 852 с.. Тамбовск. ун-т им Державина. 10-12 окт. 2012, с. 729-732.

5. Рекош К.Х. Искусства эристики, диалектики и софистики как предпосылки развития правового дискурса. Статья. Вестник МГИМО №3 (30). 2013, с. 212-220.

6. Рекош К.Х. Мультилингвизм как принцип Суда ЕС. Статья. Вестник МГИМО, №6 (39). 2014, с. 245-252.

7. Рекош К.Х. Языковая политика в Европе – Вавилоне XXI века. Статья. Вестник МГИМО, №3 (36). 2014, с. 224-231.

8. Рекош К.Х. Когнитивное варьирование концепта РЕГУЛИРОВАНИЕ. Статья. Когнитивные исследования языка. Выпуск XIX. Москва Тамбов. Ин-т языкознания РАН 2014 608с., с. 324-334.

9. Рекош К.Х. Обучение субсумированию на французском языке. Статья. Иностранные языки в школе №11 2015, с. 55-62.

10. Рекош К.Х. Риторика Аристотеля: юридический взгляд. Статья. Вестник МГИМО, №3 (42). 2015, с. 244-249.
11. Рекош К.Х. Особенности французского языка как вербализатора источника права - Конституции Франции. Статья. Иностранные языки в школе №1 2016, с.42-48.
12. Рекош К.Х. Концептуализация правового дискурса на пути к нормативности. Статья. Вестник РГГУ «ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО» №1 2016, с.20-25.
13. Рекош К.Х. Дискурс субсумирования в свете когнитивной лингвистики. Статья. Сб. Когнитивные исследования языка Тюмень «Когнитивные технологии 23-24 сент. 2016. Вып XXVI, с.77-81.
14. Рекош К.Х. Французский язык в свете логистики. Статья. Иностранные языки в школе. №3 2017, с.46-51.
15. Рекош К.Х. Эпистемологический подход в лингвистических и юридических исследованиях. Статья. Научный вестник ВГАСУ Серия : «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования» Вып. №3 (31), 2016, с.56-64.
16. Рекош К.Х. Герменевтическое понимание французского правового текста. Статья. Научный журнал: «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования» –2017. –вып. 2 (34), с.82-92.
17. Рекош К.Х. Проблемы трансляции знаний во французском и русском контекстах мнения. Статья. Филология и человек №3 2017, с. 75-83.
18. Рекош К.Х. Язык и право в свете знаковой теории Ф. де Соссюра. Статья. Филологические науки в МГИМО, №11, 2017, с. 59-67.
19. Рекош К.Х. Дискурс обычая в праве Франции. Статья. Вестник РГГУ серия «ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО» 2017, №2 (8), с. 124-133.
20. Рекош К.Х. Jargon et langue de bois en français et en russe (Жаргон и деревянный язык на французском и русском языках). Статья. Актуальные проблемы российского права (2017) №7 (80), с. 206-209.

Рекош Карина Хаджиевна (Россия)

«Французский язык как вербализатор западноевропейского правового знания (от истоков до дискурса права Европейского союза)»

В исследовании с позиции правовых знаний выведены характеристики юридического французского языка и принципы его изучения, расширены рамки исследования за счет использования понятия этимологии института и идеи регулирования, показан генетический путь развития латинских вокабул вплоть до коррелирующих французских вокабул. Через латынь описаны предпосылки плана содержания французского языка, которые повлияли на составные части семантики французского слова. Французский язык рассматривался также с позиции взаимодействия дискурсов – неперемного условия их институционального функционирования, создания дискурсивного пространства права, которое в диссертации представлено моделью в виде витков спирали.

В работе представлены элементы лингвистической техники французского языка, лексико-грамматические средства, могущие облегчить предсказуемость, языкотворчество и профессиональное понимание, а также эксплицировать грамматику отношений между языком и правом.

Французский язык можно представить в комбинации с другими отделами знания в качестве перспективы его полного описания. Этот подход может быть также рекомендован для других языков в комбинации: знание – язык.

Rekosh Karina Hadjievna (Russia)

"French as a verbalizer of Western European legal knowledge (from the origins to the discourse of the European Union law)"

The research has deduced the characteristics of the legal French language and the principles of its study from the perspective of legal knowledge, the scope of the research has been expanded through the use of the concept of the institute's etymology and the idea of regulation, showing the genetic path of the development of Latin vocables up to correlating French vocables. Latin explains the prerequisites of the French language content plan, which influenced the components of the semantics of the French word. French language was also considered as of interaction of discourses – as an indispensable condition for their (institutional) functioning, the creation of a discursive space of law, which is represented in the thesis by a model in the form of spiral turns.

In this paper, elements of the linguistic technique of the French language, lexico-grammatical means are deduced to facilitate predictability, linguistics and professional understanding, explicating the elements of the grammatical relationship between language and law.

French language can be presented in combination with other parts of knowledge as a perspective of its complete description. This approach can be also recommended for other languages in combination of knowledge and language.